

колдовские миры

Галина
Гончарова

Маруся
Столичные игры

Галина Дмитриевна Гончарова
Маруся. Столичные игры
Серия «Колдовские миры
Галины Гончаровой»
Серия «Маруся. Попасть
– не напасть», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63616176

*Г. Д. Гончарова. Маруся. Столичные игры: ООО «Издательство
«Эксмо»; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-111797-9*

Аннотация

Как хорошо жилось княжне Горской в провинции! Тихо, спокойно, похитители, убийцы и бывший жених – не в счет, это такие милые пустячки. Почти свои, домашние.

А что будет ждать ее в столице?

Интриги юртов, «любовь» родственников, террористы. Свои интересы есть у его величества, свои интересы есть у его высочества, и что со всем этим делать?

Маруся точно знает.

Надо делать то, что должно, а чему быть – того не миновать.

Содержание

Глава 1. Дивись, столица, идет девица	5
Интерлюдия 1	48
Глава 2. Аудиенции и уединенции	53
Интерлюдия 2	93
Глава 3. Первые шаги – вылезли враги	99
Интерлюдия 3	129
Глава 4. Минус один – господин	131
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Галина Гончарова

Маруся. Столичные игры

© Гончарова Г. Д., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

*** * ***

Глава 1. Дивись, столица, идет девица

Дом был тих и печален.

Кто сказал, что дома – всего лишь постройки из камня и дерева? Может, когда имеются в виду типовые бетонные коробки из будущего, так оно и есть. А здесь, где каждый дом – индивидуален, где каждый кирпич руками укладывается, где до сих пор в основание дома закладывается «костяной камень», то есть чей-то череп, иногда и человеческий, и жертвоприношения проводятся, и кровь льется, и к конкретному роду дом привязывается...

Здесь слова «мой дом – моя крепость» как нельзя более правдивы.

Мой дом моей крепостью не был. Он был крепостью Сергея Никодимовича, а теперь хозяина не стало. И дом грустил. Ему было одиноко и холодно, тоскливо и горько.

Ладно, исправим. Этой же ночью.

Я мимоходом чмокнула в макушку Андрюшку и кивнула слугам:

– Я не знаю, надолго ли я в Москву. Дайте объявления в газеты и распаковывайте вещи...

– Да, госпожа, – отозвался дворецкий – и я направилась в свои комнаты.

Здесь все организовано очень удобно.

Если в моем мире человек, приехав в город, должен был проехаться по гостям, оставляя карточки, то здесь решительно сэкономили и время, и бумагу, и мои нервы в придачу.

Не надо ездить.

Ты приезжаешь в город, отдыхаешь пару дней, дольше неприлично, и даешь объявление в газету. Даже отдельная колонка для таких случаев есть. Там о прибытии и сообщается. Люди проглядывают газету, видят, кто приехал, и наносят визиты. Или присылают приглашения.

Дешево и сердито.

Мы были в столице.

После смерти Демидова мы не стали задерживаться на руднике. Я выписала управляющему премию, поблагодарила за верную службу и прошлась еще раз по выработкам, чтобы убедиться в отсутствии пакостных сюрпризов.

Знаю я закон подлости, знаю, сколько раз сталкивалась. Вот только ляпни, что все в порядке, тут же какая-то пакость и случится.

Но ни полостей с рудничным газом, ни предвестников обвала я не обнаружила и успокоилась.

Даже наоборот – словно бы рудничных жил больше стало. Как стянуло их сюда... вот стреляйте из рогатки, а я уверена, в тот раз их меньше было. Я и на карте посмотрела – меньше.

Пометила новые и отбыла.

Управляющий обещал посмотреть и разобраться. Хотя и

сомневался, что такое может быть. А я вот думала про полозов.

Есть у них такое в крови, есть, над рудами они властны. Мог брат Ниты что-то такое устроить? Да вполне!

А что мне их отношение не нравится... и что?

Кто-то и где-то видел ласковую, милую, дружелюбную змею? Благодарную змею? Змею, которая поддается дрессировке?

Поверьте, таких нет. Разве что в сказках, но там и говорящие волки водятся, и змеи-горынычи.

Как с пресмыкающимися работают в цирке?

Это лучше не знать, чтобы не нервничать. Но там много всего неприятного для змей, мне рассказывали. И удаление ядовитых желез, и сшивание пасти, и... пролайферов на них нет. И хорошо, что нет. Змеи – не оценят.

Полоз все же змея.

Интересно, Нил тоже таким же будет? Жестким, холодным, равнодушным и безразличным ко всему? Или, воспитываясь с людьми, приобретет хоть какие-то человеческие черты? Научится любить, научится дарить тепло, станет больше человеком, чем полозом? Имею ли я право его таким воспитать? Не обреку ли на одиночество? Жить-то он будет дольше человека, хоть и полукровка.

Я погладила смешной хохолок на макушке полоза. Нил так и цеплялся за меня при каждой возможности. К Андрюшке он не ревновал – чего к нему ревновать, это не по-

лоз, и вообще, мелкий, неопасный и другой породы. А вот когда я вернулась со свидания с его дядей, шипел долго.

Что-то ему не понравилось, или просто запах учуял...

Он уже начинал говорить. Получалось не слишком хорошо, но лиха беда начало?

Солнышко мое шипящее.

С рудника мы отправились в Березовский, где я и решила навестить храм. Исповедаться, ну, и заодно побеседовать о жизни. Поблагодарить...

Поделиться самым ценным – информацией.

Поездка оказалась не напрасной.

* * *

– Благословите, отче.

– Мир душе твоей, дочь моя...

Отец Александр сотворил знамение над моей головой. Я обозначила поклон и перешла к делу.

– Мне хотелось бы исповедаться. Я грешна, отче...

– Прошу, дочь моя, пройди во вторую комнату налево.

Что я и сделала.

Епитрахиль и прочий ритуал тут тоже есть. Нет исповедальника. Большую часть людей исповедуют прямо в церкви. Благо есть поверье, что, подслушав чужие грехи, ты возьмешь их на себя. Здесь в это даже верят.

А для vip-клиентов, чтобы никто их откровения не слы-

шал, предусмотрены комнатки. Не как исповедальни, нет. Тут скорее речь пойдет о дорогих психотерапевтах. Два кресла, столик, ковер, даже чай и печеньки при желании.

Очень удобно.

Я расположилась в кресле и налила себе чая. Вкусный, с чабрецом. Будем надеяться, никакой «сыворотки правды» мне не подмешают, не хотелось бы лишнего рассказать. Бог и так все знает, а слугам его лишняя информация вовсе ни к чему.

Отец Александр пришел достаточно быстро и расположился в кресле напротив. Я опустила глаза в чашку.

– Грешна, отче.

Единобога канона здесь тоже нет. Грешна – и поехала. Исповедуйся до самого доньшка.

– Слушаю тебя, чадо?

– Я принимала участие в убийстве человека. Кровь не на моих руках, но на моей душе.

– Кто этот человек, Мария Ивановна?

– Демидов, – припечатала я. – Сергей Владимирович.

– Как это случилось?

Я похлопала ресницами. И принялась рассказывать, немного подправляя истину. Нет, я не вру, тем более на исповеди, но ведь правда многогранна. Я просто аккуратно урезаю осетра до размеров селедки.

Рассказала, как пришло письмо, как я приехала на рудник, как Демидов попробовал меня похитить и как был насмерть

закусан змеями.

– Богом клянусь, я их не натравливала...

Кажется, мне не поверили, но доказать сейчас это нереально. Слишком много времени пройдет, пока можно будет обследовать тело. Мы ведь его с собой не повезли, похоронили там же, у рудника. Кому не понравится, могут сами съездить, эксгумировать тушку и притащить на семейное кладбище. Я на перевозку трупов не нанималась, а Благовещенский тем более не собирался тащить врага в Березовский. Трупы – разлагаются и воняют. И передвижение затруднят.

Ни к чему.

Священник внимательно выслушал, отпустил мне грехи и принялся расспрашивать. Увы, особого толка он не добился. Я отвечала на вопросы, а потом решила и свой задать.

– Демидов сказал, что церковь приглядывала за мной. Почему, отче?

На ответ я не рассчитывала. Но хоть что-то узнать?

– Потому что твой дар достаточно опасен, чадо, – честно ответил священник. – Мы за всеми некромантами приглядываем.

Я хмыкнула.

– Чтобы я мертвецов поднимать не вздумала? Или еще чего похуже?

– Мария Ивановна, все магии земли рано или поздно доходят до некромантии. Кто-то останавливается на этой грани, а кто-то и использует свой дар во зло людям. Как мы можем

быть в вас уверены, если вы еще сами своей силы не знаете?

Хм... звучало логично.

– И только?

– Не только, Мария Ивановна. Подозреваю, ваша сила впервые проявилась именно в Лощинке, где вы столкнулись – с чем? Или – с кем?

Так я тебе и призналась.

– Могу поклясться где угодно и чем угодно – я не прибегала к некромантии.

В Лощинке. А про полозов и речи нет. И глупо это! Я и без некромантии кого хочешь угроблю, ничего в этом сложного нет, если знать законы физики и химии. Знание и из карандаша позволит гранату сделать.

Священник поглядел на меня и кивнул.

– Верю, Мария Ивановна. Но это – разумная предосторожность.

– Я не хочу прибегать к некромантии. Но если это понадобится для спасения моей жизни или жизни моих близких, я не поколеблюсь ни минуты.

– Я понимаю, Мария Ивановна. И не смогу вас за это осуждать.

Я улыбнулась.

Ну да, предать церковному суду можно и без всякого осуждения. И в монастырь заточить тоже.

Пообщались мы вежливо и вполне плодотворно. И, как я поняла, в столице за мной продолжают приглядывать.

Взамен пришлось поделиться с церковью своими последними разработками. Священник убедился, что это ни разу не некромантия, почесал затылок (в переносном смысле) и задумался.

– Почему раньше так не делали?

Я мило поулыбалась и предложила свою версию.

– Потому что женщины и мужчины мыслят по-разному?

А женщин-магов, как правило, не бывает?

Видимо, это тоже не приходило в священническую голову. Но распрощались мы по-дружески.

И я принялась собираться в Москву.

* * *

Благовещенский составил мне компанию. Или я ему?

Ехали мы в одном поезде, даже в одном вагоне, хотя и в разных купе, встречались за трапезами в вагоне-ресторане, беседовали, выходили прогуляться, но держались строго в рамках приличий.

Ваня составлял компанию, стараясь не оставлять нас наедине.

Братики вообще были подавлены. Москва же...

А там Арина.

А кто-то у нее палец отрезал...

Безусловно, я ее найду. И тоже отрежу кое-что той гниде, которая подняла руку на девчонку. Может, тоже палец. Два-

дцать первый. Но дальше-то что?

Вот вопрос?

Здесь нет психологов, здесь нет реабилитационных центров, разве что монастыри, здесь не принято идти со своими душевными проблемами к врачу, только к священнику.

Допустим, Арина туда придет. Но помогут ли ей?

Я в этом сильно сомневалась.

Ладно, эти проблемы мы решим потом. А пока – расположиться в доме, превратить его в свою крепость, настроить систему защиты и начать разбираться с визитами.

Написать Романову, кстати говоря. Хотя Игорь Никодимович и так будет в курсе, кто бы сомневался. Работа у человека такая.

* * *

Ночью меня разбудил Андрюшка.

Я покормила ребенка, а потом накинула халат и вышла из комнаты. Мне нужно вниз, в подвал. А вот кому-то еще при этом присутствовать нежелательно.

Андрюшка пригрелся и сопел у груди. Мелкий такой, забавный...

Только вот сложно пока воспринимать его как человека. Скорее как пупса. Смешного, любимого, требующего заботы и ухода...

Ступеньки сами стелились под ноги.

Я спускалась в подвал.

Вот винный погреб.

Храмов показывал мне это место. Одна из бочек при нажатии на рычаг открывается, словно дверь. Вот в эту дверь мне и надо.

Я оказалась в маленькой комнатке. Буквально пять квадратных метров. Четыре стены – и небольшой камень посередине. Я точно знаю, что лежит под ним.

Некромантия?

Да, немного. И магия крови тоже. Без этого дома не построить.

Под камнем дома Сергея Никодимовича лежит змеиный череп (кстати – амурского полоза).

Лежит там прядь волос, смоченная кровью самого Храмова, и лежит такая же прядь его сына, ныне покойного. Бедный малыш.

Сейчас туда добавятся еще две пряди.

Нож у меня с собой. Специально захватила.

Отрезать прядку у затылка, кольнуть палец кончиком ножа, связать волосы узелком, смочить узелок кровью.

То же самое проделать с Андрюшкой.

Аккуратно отрезать прядку, кольнуть пальчик – и тут же подхватить капельку крови.

Ребенок разревелся, и пришлось его долго успокаивать. Ну все, все, маленький, все закончилось. Больше больно не будет. Это необходимость, это надо было, мама тоже пальчик

наколола...

Тсс...

Наконец Андрюшка успокоился, и я надавила на угол камня.

Открылась небольшая выемка в земле. Туда и полетели наши волосы.

– Кровью – к крови. Пусть мой дом будет крепостью для тех, в ком течет моя кровь.

Ритуальная фраза. В обычном зрении камень остается простым, темным. Но я-то вижу, как его оплетают жадные золотистые нити, пробегают по граням, впитываются внутрь...

В Андрюшке течет кровь Храмова.

Во мне...

Условно – тоже. Я кровь от крови моего сына, как он – плоть от моей плоти. Я мать, я получаю защиту автоматически. Но сейчас у меня оказывается еще и доступ к пульта управления. Я могу что-то изменить, добавить... и я это сделаю!

Сегодня и сейчас.

Это не с бухты-баракты, я готовилась к этому последние несколько дней. Вливала силу в накопители, начитывала заклинания, так что сейчас у меня уйдет и меньше времени, и меньше сил.

Это как заранее подготовить все для работы.

Пришел в лабораторию и пашешь – не надо ни компью-

тер включать, ни программы устанавливать, знай себе вводи данные. Так я и сделала.

И то, когда все закончилось, мне больше всего хотелось уснуть, положив голову на этот родовой камень. Отлично сойдет вместо подушки.

Увы, ребенок моих устремлений не разделял. Пришлось вставать и на одной силе воли тащиться в спальню.

Ничего, переживу. Зато любого врага будет ждать та-акой приятный сюрприз!

Главное – не один!

Мой дом – моя крепость! И никак иначе!

С учетом убийц, которые могут подстергать за углом, это становится особенно актуальным.

* * *

Утро я проспала.

Я спала до полудня и спала бы дольше, если бы Ваня не притащил в мою спальню поднос с кофе и свежее испеченными булочками. Пахло все это великолепии так, что я взвыла всем желудком и вылезла из-под одеяла. Плевать на фигуру!

Амम्म!!!

В себя я пришла, только слопав три булочки и выпив две чашки кофе.

– Ванечка, я тебя люблю!

– Я тебя тоже люблю. Еще будешь?

– Бубубу! – ответила я и вгрызлась еще сильнее в четвертую булочку.

Ваня честно ждал, пока я поем, приведу себя в порядок и даже переоденусь. И только потом начал задавать вопросы.

– Маша, а какие у нас планы?

– Написать Романову. Пройтись по магазинам. Ждать, – отчиталась я.

– Романову – это понятно, – кивнул Ваня. – По магазинам... нам что-то надо?

– Конечно. Я обязана быть одета по последней столичной моде.

– Ты же в трауре?

– Он тоже разный бывает, – вздохнула я. – Никуда не денешься, если меня пожелают видеть при дворе, надо выглядеть...

– Сложно это все.

– Привыкай, я надеюсь, ты тоже получишь дворянство. Хотя бы личное для начала.

Ваня кивнул.

Эта мысль у него не вызвала отторжения. А причину получения дворянства мы тоже уже придумали. Можно или за выслугу, или за заслугу. Как чиновник – пойти по гражданской части и с чина действительного статского советника получить. Или в армию, и там служить до полковника, но простолудину это решительно невозможно сделать. Я бы просто Ваню туда не отпустила.

Одно дело – родину защищать, когда все на фронт, всё для победы. Это правильно. А вот в мирное время служить? Подвиги ты не совершишь, а получить полковничий чин за выслугу лет? Простолюдину?

Нереально.

А есть и еще вариант.

Ваня мог совершить для государства нечто важное. К примеру, как Мичурин. Тому дворянства не дали, но живи он в царское время, полагаю, оно было бы. И потомственное.

Так что я активно натаскивала братика и старалась сделать из него агронома. Грамотного и адекватного специалиста.

Не досталось тебе магии? Да и не надо! Ты, главное, правильно сформируй задание, а уж кому выполнить – найдется. Сила есть, ума не надо, это и к магической силе относится.

Ваня это понимал и учился. Сидел со мной, составлял таблицы, проводил расчеты...

– А ждать мы чего будем? Маша?

– Врагов, – безмятежно улыбнулась я. – Исключительно врагов.

– Каких?

– Вот и посмотрим. Полагаю, долго ждать не придется.

* * *

Начала я с письма Романову.

Потом написала в канцелярию Его Императорского Величества, уведомляя о своем прибытии в Москву. А потом действительно отправилась по магазинам.

Можно бы и вызвать модисток к себе, но...

Мода, такая уroda!

Надо пройтись по улицам, посмотреть, во что одеты дамы, последние тенденции подметить... надо.

В моде оказался темно-пурпурный цвет. Это хорошо, мне он к лицу. А еще он неплохо сочетается с черным...

И широкие рукава, чуть присобранные по манжете, – тоже неплохо.

И украшения с красными камнями. У меня есть гранаты, в самый раз подойдет. Рубинов, жаль, нет. Но и не надо. Могут быть и поделочные камни, а обработаны так, что душа порадует.

У меня был комплект в виде ягод клюквы. Гранаты, ма-лахит... глаз не оторвать! И не сказать, что так уж дорого, а красота живая. Словно веточку на болоте сорвала.

Уральские мастера. Этим все сказано.

У портнихи я пробыла достаточно долго и вышла, заказав четыре платья. Одно доставят уже сегодня, остальные в течение недели.

Потом парикмахерская, ногти, волосы, я себя и так не запускала, но все же несколько дней в поезде никому на пользу не пойдут. Ухоженность теряется. Лоск.

Домой я вернулась только вечером, довольная собой. Во-

лосы струились шелком, кожа светилась, ногти сияли – красotka!

Всю радость подпортил здоровущий букет ярко-алых, прямо-таки ядерных роз.

– От кого?

Увы...

Карточка с императорским гербом, только чуть урезанным, давала однозначный ответ.

Цесаревич.

Черти б его побрали! Вот про кого я успешно забыла и вспоминать не хотела, так это про его высочество Василия Иоанновича! Чего ему спокойно не живется? Вот – чего?

И откуда он знает, что я уже здесь?

Что вообще происходит?

Хотя и так понятно. Кто-то у Романова сливает информацию его высочеству.

* * *

– Маша, к тебе гости!

– Кто? – посмотрела я на Ваню.

– Эти... Храмовы!

– Тьфу! – от души высказалась я, но куда деваться? Надо, знаете ли, надо...

Григорий Никодимович Храмов с супругой ждали внизу. Я задержалась ровно на восемь минут.

Достаточное время, чтобы привести себя в порядок, опра-
вить платье, причесаться и не торопясь выйти. Ни больше
ни меньше. Такие крохотные нюансы, о которых узнала от
баронессы Ахтырской.

Если гость ниже тебя по статусу, то можно спуститься к
нему через десять и больше минут. Если выше по статусу –
меньше, чем через пять минут. А если вровень – от пяти до
десяти минут.

Такие вот игрушки у местной знати, как «язык веера» или
«язык цветов».

Мой посыл не остался незамеченным. Я демонстрировала
свое равенство, даже не начиная разговора. И Гриша Храмов
недовольно покривился.

– Мария Ивановна, мое почтение.

– Григорий Никодимович, рада видеть вас с супругой у
меня в гостях.

Все вежливо. Но подтекст прослеживается. Я вела себя
как стерва и не собиралась это скрывать.

Сергей Никодимович не говорил прямо. Но была у него
мысль, кого подозревать в смерти жены и сына. Была...

К сожалению, мысль – штука нематериальная, ее к делу
не пришьешь. Даже на доказательства не пустишь эту самую
мысль...

А мой Андрюшка, чисто гипотетически, в будущем может
стать главой рода Храмовых. Он уже сейчас маг, и достаточ-
но сильный. Я знаю. Кстати – тоже маг земли. Соперник он

Гришкиным детям и внукам?

Да еще какой!

Супруга покривилась и окинула меня взглядом.

– Мария Ивановна, вы хорошо выглядите.

– Это провинциальный воздух, – отозвалась я с милой улыбкой.

– Да, это заметно. Такая загоревшая, простонародная... так и вижу вас где-нибудь на сеновале, то есть сенокосе...

Я пожала плечами.

– Не переживайте за меня, Милада Борисовна. Я понимаю, что в столице принято ходить как бледная немочь, но слепо подражать моде не собираюсь.

– Да, я вижу...

Шипение было вовсе уж гадючьим.

Мода – модой, траур – трауром, но фасоны платьев я для себя разрабатывала сама.

Может быть черное платье – уродливое, а может и изящное. К примеру, с каплевидным вырезом, который затянут черным газом. С кокетливой отделкой. С кружевом по воротнику и рукавам или с бисерной вышивкой... Да и обычную вышивку можно так сделать, что от платья глаз не оторвать будет...

Сейчас на мне было одно из домашних черных платьев, выполненное в простонародном стиле. Глухой лиф, под горло, с высоким воротником-стойкой, спереди по лифу – пуговицы до талии. Юбка длинная, до пола, но пуговицы про-

должаются по ней до самого низа, заставляя гадать – настоящие или ложные. А вдруг можно расстегнуть все, и платье сползет с дамы, как кожура с банана?

Кроме того, платье отлично подчеркивало тонкую талию и грудь, которая после родов и кормления приблизилась к полноценному четвертому размеру.

То есть – крупному. Достаточно крупному для моей фигурки, и без всякого силикона, что приятно. Нет здесь еще этих технологий, которые из простой женщины позволяют создать резиновую.

Храмов усталился на мою грудь и, ей-ей, облизнулся.

Ну помечтай, дядя. Больше тебе ничего не светит, кроме мечтаний, а я и в глаз засветить могу, если что. И не только в глаз.

– Мария Ивановна, с какими целями вы приехали в столицу?

Я пожала плечами, отчего лиф колыхнулся вместе с содержимым. Мадам еще больше побагровела и стала похожа на буряк.¹ Не сахарный. Уксусный, если такие встречаются в природе.

– Исключительно по приглашению. Его императорское величество пожелал видеть меня при дворе.

Теперь побурели оба супруга Храмовы.

– Ах, вот оно что, – протянул Григорий, пытаясь выиграть время.

¹ Свекла обыкновенная (прим. авт.).

Я мило улыбалась.

Что, что! Да то самое! Ты зачем сюда шел? Чтобы выяснить причину приезда и поставить меня в стойло, метафорически выражаясь.

А тут оказывается, что до тебя желающие нашлись. И бороться с императором для здоровья очень бесполезно. Мало ли какие у него планы, а ты их нарушишь? Прилетит тогда белке на стрелке...

– У вас были какие-то планы?

Григорий замотал головой.

– Что вы, Мария Ивановна. Я просто решил заехать, поинтересоваться... на правах старшего в роду. – Мужчина быстро обрел уверенность. Это понятно, надолго его из седла не вышибешь, он в этом давно варится.

– Да-да, – обрадовалась я. – Раз уж вы обязаны обо мне заботиться, посоветуйте хорошего законника?

Супруги насторожились.

– Зачем, Мария Ивановна?

Я пожала плечами еще раз.

– Григорий Никодимович, это личное дело. Семейное.

– Мария Ивановна, вы и есть часть семьи Храмовых.

Я пожала плечами.

– Это дело мое лично, а не семьи Храмовых.

И почему кажется, что мне не поверили?

А я всего лишь хотела узнать насчет Нила. Чисто гипотетически. Вдруг он может на что-то претендовать от Демидо-

вых? Он ведь кровный родственник, это любая магия, любой анализ покажет. А кто мать?

А я не знаю. Мне не докладывались.

Не то чтобы я сильно хотела денег, но так понимаю, что прямая ветка от Андрея Демидова оборвалась? Все состояние разойдется по двоюродным-троюродным, грех не пользоваться в своих целях. Пусть малышу деньги достанутся.

Останется Нил с людьми или уйдет к полозам, это его личное дело. Но материальная база у него быть должна. Я ее ребенку и обеспечу, пусть будет полозу куда возвращаться.

– Я настаиваю, чтобы вы мне рассказали, – лязгнул металл в голосе родственничка. Ага, металл... так, алюминиевыми вилками постукали.

– Исключительно с разрешения Игоря Никодимовича Романова, – согласилась я. Покладисто так...

Романовского разрешения Храмов не пожелал. Обжег меня злобным взглядом и поинтересовался моими планами.

Я сообщила, что мои планы находятся в полной зависимости от желаний его величества. Скажет прыгать – буду прыгать. Скажет падать – буду падать и ползти. Как особа полностью верноподданная.

С тем Храмовы и удалились несолоно хлебавши.

– Маш, а зачем они приезжали?

– Подозреваю, на разведку, – отозвалась задумчиво я.

Ваня послал в дальний путь разведку.

Я пожала плечами.

– Сволочи они, сволочи...

– Никто и не сомневался, – выдал Ваня и отправился на кухню заедать стресс.

Я в который уже раз пожала плечами. Сволочи. Но понять их можно.

Что делать, если у тебя ни особых талантов, ни ума, ни фантазии, а есть только хитрость, подлость и пронырливость?

И неистребимое желание жить хорошо?

Гриша Храмов хотел. И нашел выход, пусть за счет брата, пусть пришлось приговорить его жену и сына, ну так что ж? Он ведь все для блага семьи делал...

Таких отговорок можно придумать сотни и тысячи. И на благо семьи, и он лучший глава, и он заботится о своих детях, и Сережка бы все по ветру пустил, и...

Красивые слова. И подленькие мелкие мысли, которые они прикрывают.

В глаза Гриша хотел сказать мне: «Чего ты приперлась, стерва? И что с тебя можно поиметь полезного? Для меня любимого, лично?»

В глаза я ему хотела сказать: «Вали отсюда, сукин кот! И чтобы духу твоего рядом не было, не то будешь кастрированным котом!»

А вместо этого поулыбались и разошлись.

Великая вещь – дипломатия!

– Мария Ивановна, вам письмо.

– Благодарю, – кивнула я лакею, который протянул мне на подносе конверт из плотной голубой бумаги.

– Курьер ждет ответа.

– Курьер?

– Да, госпожа.

Взяла, посмотрела на печать.

Хм?

Герб Горских.

– Отец объявился? Ладно, накормите пока человека, и пусть подождет. Сейчас напишут ответ.

Я решительно сломала воск, хрупнувший под пальцами, и достала из конверта лист надушенной бумаги. Пробежала строчки глазами.

Н-ну, папаша!

В самых вежливых выражениях мне сообщалось, что завтра с утра отец ждет меня у себя дома. В гости. Лучше – с внуком.

Можно и без внука, поскольку речь будет идти о моем будущем.

Зар-раза!

Поборола желание кинуть бумагу в камин. Села за стол и выдернула лист бумаги из толстой пачки.

«Папаша!

Мать твою, гиену суматранскую, какого хрена ты лезешь, куда тебя не просят?! Ноги вырву и в уши вставлю, руки поотшибаю...»

Дописала. Прочитала. Решила, что надо немного подправить, – и застрочила, переводя с доходчивого на дипломатический.

«Отец!

Прошу прощения за то, что не смогу прибыть к вам для обсуждения моего будущего...»

Пусть дискутирует на эту тему с Романовым. Думаю, Игорь Никодимович – собеседник вполне приятный, отзывчивый, а главное, умеет очень доходчиво объяснять некоторым людям, что они неправы в своих устремлениях. И нуждаются в устремлении в другое место.

Отдала письмо посыльному и вычеркнула Горских из общего списка.

Но не быстро ли вся эта компания активизировалась? Вчера я приехала, вечером дала объявление в газету, то есть сегодня оно появилось в утренних сводках – и уже подсутились?

Не рановато ли?

Чего всем от меня надо? Хотя я и так догадываюсь.

* * *

К вечеру доставили письмо от Романова.

Игорь Никодимович сообщал, что навестит меня завтра с утра. В десять часов, если я могу его принять. Я отписала, что буду счастлива его увидеть, и отослала письмо.

И ведь правда – буду счастлива. Хоть один приличный человек среди этих всех... даже скунсами не назовешь! Чтобы не оскорблять животное!

А что профессия у него такая – глава тайной канцелярии при его величестве, так кто-то и этим заниматься должен. Тащить и не пущать. Не то всю страну растащат и запустят.

* * *

К ужину явился Благовещенский и был принят с улыбками всех домочадцев.

– Александр Викторович! – как родному обрадовался Ваня.

Петя просто повис у мужчины на руке, а мелкие что-то пискнули и согласованно направились проситься на ручки.

Я невольно загрустила.

Да, в доме нужен мужчина. Будь ты хоть трижды феми-

нистка, а нужен... Особенно когда у тебя на воспитании аж четыре пацана разных возрастов.

– Мария Ивановна.

Мне достался поцелуй ручки и букетик фиалок. Я с благодарностью приняла и пригласила Благовещенского поужинать с нами.

– Признаюсь, я на это и рассчитывал, – признался он. – В моем доме пока еще нет кухарки, а есть то, что приготовит мой денщик, можно только в походе. И в ресторацию идти неохота было.

Я улыбнулась.

– Тогда вы пришли по адресу – и вовремя.

Подобные шуточки тоже уместны только между своими. Но Благовещенский уже и был для меня в числе «своих».

Ужин подали быстро, блюда радовали и вкусом, и запахом. Мужчины нахваливали кухарку, а Благовещенский послал ей на кухню рубль от щедрот.

Все было тихо, мирно и спокойно, пока в столовую не вошел очередной лакей.

– Мария Ивановна, вам доставили...

– Несите сюда, – со вздохом распорядилась я, отодвигая тарелку с ухой из стерляди.

Доставленным оказался букет потрясающей красоты.

Сиреневые ирисы, алые гвоздички, еще какая-то зелень, белые мелкие цветочки, все это смотрелось так... хотелось вставить букет в рамочку.

Нарисовать.

Хотя бы сфотографировать – и любоваться, когда придет плохое настроение.

К букету прилагалась большущая коробка с марципанами.

– Конфетки! – обрадовался Петя по-детски.

– А от кого? – тут же задумался Ваня. – Цыц, мелочь!

Петя надулся и засопел, но спорить не стал. Я поискала карточку.

– Всего одно слово. Прекраснейшей.

– И от кого это может быть? – нахмурился Благовещенский.

Я пожала плечами.

– От кого угодно. Могу лишь заверить, что я авансов никому не раздавала.

– Мария Ивановна, поймите меня правильно. Карточка абсолютно правдива. – Александр нахмурился. – Но все-таки хотелось бы знать – от кого?

– Мне бы тоже, – задумалась я.

А правда – от кого?

Что-то я не припомню в своей жизни мужчин с таким банальным стилем. Букеты, конфеты... ухаживания?

Безусловно, приятно. Но слишком уж внезапно.

Вряд ли я успела на кого-то произвести такое впечатление, Милонег мертв, цесаревичу не по чину, а кто еще?

Да и не прислал бы такое цесаревич, он бы просто распорядился, и пришел бы мне дежурный букет из алых роз.

Страсть, восхищение, желание. А тут со вкусом подобрано, с фантазией...

Паранойя?

Да и ёж с ней!

– Есть ли возможность проверить марципан?

– Проверить?

– Не отравлен ли он.

Мальчишки поглядели с глубоким шоком. Благовещенский покачал головой.

– Вы не слишком передергиваете, Мария Ивановна?

– Лучше перебдеть, чем недобдеть, – ответила я старой поговоркой еще моего шефа. Он, правда, другое слово употреблял, различающееся на одну букву, но то детали.

– Я могу попробовать. Но конфеты потом будут несъедобны...

– Да и черт с ними, – махнула я рукой. – Лучше несъедобные конфеты, чем беспокойная я. Или даже так...

Я выбрала с десятков конфет наугад из коробки и положила перед Благовещенским.

– Проверяйте, Александр Викторович.

Мужчина провел рукой над конфетами. На кончиках пальцев заплесали зеленоватые огоньки, словно на живом детекторе, а конфеты вдруг начали темнеть и просто рассыпаться в прах.

Кроме...

Одна, две...

Две конфеты из десятка выбранных наугад дали иную реакцию.

Красноватые огоньки говорили о том, что в конфетах содержится яд.

– Ёжь твою рожь! – от души высказалась я.

Внимания никто не обратил, мальчишки и похлеще высказывались. И сложно было их за это упрекать. Это я сладкое не люблю, мне бы остренького, а мальчишкам конфеты дико нравились – издержки полуголодного детства. Умяли бы только так.

И – умерли.

– Отдам Романову, – решила я, сгребая коробку. – И цветы тоже, вдруг он что по своим каналам узнает?

– Отдавайте, Мария Ивановна, – согласился Благовещенский. – И будьте осторожны.

– Я буду, – пообещала я. – Ребята, вы поняли? Ничего в рот не тянем! Из присланного!

Вспомнился Дюма-отец с его миледи. Ведь тоже присылали д'Артаньяну отравленное вино, кажется... выпил бы – и конец истории.

Нет, ну кому я так помешала? Просто невежливо убивать человека – и не дать понять, за что, собственно, убивают!

* * *

Романов явился точно к назначенному времени. Поцело-

вал мне ручку и преподнес запечатанный конверт.

– Это вам, Мария Ивановна.

– Мне?

В конверте оказалась небольшая твердая карточка неправильной формы с вензелем императора.

– Это пропуск во дворец. С этой бумагой вы в любой момент можете пройти к его императорскому величеству.

– В любой момент? – прищурилась я.

Романов ответил улыбкой.

– В этом месяце. Карточки каждый месяц меняются, чтобы избежать неприятностей, ваша действительна еще двенадцать дней.

– И что требуется его императорскому величеству от бедной вдовы? – подозрительно уточнила я.

Такие подарки просто так не делаются, еще бы «открытый лист» вручили. «Все, что сделал предъявитель сего...»

Не нужны мне такие благодеяния, за которые неясно чем расплачиваться.

– Практически ничего. Мария Ивановна, государь пригласил вас прийти послезавтра во дворец.

Я красноречивым жестом показала на свой вдовый наряд.

– Воля его императорского величества.

Я пожала плечами.

Воля – так воля. В принципе, вдовам не запрещено появляться в свете, просто это не одобряется. И на балах им бывать не принято, в первый год после кончины мужа – точно,

а то и дольше.

– Куда именно мне надо прийти?

– В синюю приемную. Скажете лакеям, проводят.

Я склонила голову, выражая полное согласие. Куда скажете, туда и приду.

– Мария Ивановна, у меня к вам серьезный разговор.

– Да, Игорь Никодимович?

– Скажите, что вы помните об этом дне?

Передо мной помахали страничкой из моего же дневника. Дневника княжны Горской.

Я послушно взяла страничку в руки, пробежала глазами.

– Не помню, Игорь Никодимович.

– Совсем ничего?

– Увы. Память ко мне так и не вернулась. Это может быть важно?

– Очень важно.

Я покусала губы, изображая задумчивость. Именно изображая, память-то не моя.

На страничке была описана встреча двух мужчин. Один что-то передавал другому...

– Нет. Не помню.

– Очень жаль, Мария Ивановна.

– Мне тоже, Игорь Никодимович. Верьте, если бы ко мне вернулась память, я бы и минуты молчать не стала.

– Верю, – кивнул Романов. – Тем более что это важно для вас в первую очередь.

И что я такого записала?

Что такого подметила княжна? Двое людей, двое мужчин, один из которых явно дворянин, второй – нет, дворянин что-то передает простолюдину...

Что в этом странного?

Не понимаю...

Видимо, это достаточно четко отразилось у меня на лице, потому что Романов разочарованно вздохнул.

– Очень жаль, Мария Ивановна. Очень жаль...

– Как вы думаете, это может быть связано с очередным покушением? – прикинула я.

Романов подобрался.

– Очередным, Мария Ивановна?

Я молча вручила начальнику императорской секретной службы коробку с марципанами и букет. И сообщила о вчерашнем инциденте.

На слово мне предсказуемо не поверили, активировав то же самое заклинание.

Когда уже четвертая конфета заставила огоньки поменять цвет с зеленого на красный, Романов опустил руку и что-то прошипел сквозь зубы. Наверное, пожелание добра отравителю.

– Я отдам эти конфеты своим людям, Мария Ивановна. Попробуем выяснить, кто их прислал.

– Прошу вас, Игорь Никодимович. Может быть, чаю?

Он кивнул, поудобнее устраиваясь в кресле.

– Мария Ивановна, вы не хотите рассказать мне о вашей жизни в Березовском?

– Игорь Никодимович, неужели вы не получали отчетов о моей жизни в Березовском? – съязвила я.

Романов покачал головой.

– Не льстите себе, Мария Ивановна. Безусловно, о вас докладывали, но не так часто и не столь много.

Я мило улыбнулась.

– Чай с сахаром?

– И с молоком, пожалуйста.

Пару минут я потратила на приготовление чая, а потом заговорила, неторопливо припоминая все, что произошло в Березовском.

Романов внимательно слушал.

Увы, спокойно попить чая нам не дали.

* * *

– Где эта негодяйка?!

Я подняла брови. Кажется, это папенька, а чего он так возмущается? Я же написала вчера, что не приеду?

– Мария Ивановна?

Романов заинтересованно поднял бровь.

Я мило улыбнулась, обозначая, что я тут вовсе и ни при чем. Откуда я знаю, кто и по какому поводу верещит?

– Мария!

Отец влетел в комнату и остановился. У него даже нос сплюснулся немного, словно он с размаху на стену им налетел.

Романов улыбнулся добрым оскалом голодного крокодила.

– Ваша светлость, князь Горский? По какому поводу шум?

– Я...

– Папенька, вы тут какую-то негодяйку искали? – ангельским тоном поинтересовалась я.

Если бы взгляды могли убивать, я бы точно под стол свалилась трупиком. Но василиском Иван Горский не был.

– Мария, я хотел бы знать, что это такое?

Князь Горский потряс листком.

Я подняла брови.

– Не знаю. А прочитайте дадите?

Лист спланировал на стол.

Я вгляделась и перевела дух.

На одну секунду я подумала, что отправила вместо дипломатического – настоящую версию письма. Ту самую, где не стеснялась в выражениях. Вот был бы казус!

Но нет.

Все вежливо, корректно...

– А что, собственно, случилось? Да вы присаживайтесь, князь, побеседуем...

Отказывать Романову дураков не было. Князь опустился в кресло.

Как оказалось, его подвела самоуверенность. Написал вчера дочери письмо и отправился в клуб. Выпить и поиграть в карты.

То есть – налаживать дипломатические отношения.

А мое письмо даже не прочитал, твердо будучи уверен, что я прибегу по первому щелчку отцовских пальцев.

И вот сидят они, сидят...

– Кто именно? – резко спросил Романов.

– Я и Симеон Михайлович Алябьев...

– Так.

А княжны-то все нет и нет. Тут-то князинька письмо от любящей дочки и распечатал. И сильно оскорбился. А чем, спрашивается?

Я-то в чем виновата?

Он – дурак, а я крайней записана? Извините! Я не согласна!

– Батюшка, а зачем вы меня приглашали, да еще в такую компанию? – сахарным тоном осведомилась я. – Может, расскажете?

– Да, мне тоже было бы интересно, – согласился Романов, да так благодушно, что даже я поняла – лучше не врать.

Князь сглотнул и попытался удариться в дипломатические отговорки, но главное мы поняли.

Меня планировали снова продать.

А что?

Маг земли, с проявленным даром, не бесплодная, что до-

казано уже одним ребенком, с хорошим приданым – и тем, которое отец вручил, и тем, что от первого мужа осталось, – не старая, симпатичная...

Отличный товар!

Налетай, торопись, покупай живопись!

Тьфу, зараза!

Ладно, Маруся, спокойно, лучше думать о приключениях Шурика, чем о том, как ты прореживаешь плешь своему отцу.

Медленно, вдохновенно, по волоску... заливая все, что останется, расплавленной смолой и сатанински хохоча при этом!!!

И даже в голову папаше не приходит, что я могла отказаться. Это ж надо?

Прихожу я к отцу, а там сидит Алябьев, который и сам маг не из последних. И, мило улыбаясь, сообщают, что для меня подобрали жениха.

Кстати – кого?

Романов поддержал мой интерес, князь заюлил, но имя выдал. Да, это вам не партизан, военную тайну не скроет...

Кирилл Симеонович Алябьев.

– О как! Сын главы юрта! – восхитилась я.

– Не обольщайтесь, Мария Ивановна, – опустил меня на землю Романов. – Он не наследник, а младший сын, это первое. Кириллу уже за сорок, и репутация у него отвратительная, это второе.

– Пьет, гуляет, деньги мотает?

– Все сразу.

– Хм, сомнительной ценности сокровище. А я ему зачем?

Что, папа на девочек и вино больше денег не дает?

– Что за выражения, Мария! – рывкнул отец.

Романов только головой покачал.

– Мария Ивановна, вы почти угадали. Старший сын у Алябьева недавно погиб, остались двое детей, но они не такие уж сильные маги. На младшего надежды мало, сами понимаете.

– А зачем тогда я нужна?

– Ради сильной крови. Ваш младший сын ведь является магом?

Я опустила глазки.

– Является. Но силу дара пока предсказать сложно. Андрей маг земли, равно как и я.

– Вот видите? Есть шанс, что и остальные ваши дети будут магами. Сделает Кирилл вам трех-четырех деток, и отлично. Алябьев еще в силе, лет двадцать протянет спокойно, а то и больше...

– Если его младшему сыну – сорок лет?

– В юртах иногда очень рано женятся, Мария Ивановна. Алябьеву чуть больше шестидесяти, и он маг. Сильный.

– Тогда понятно. Простите, Игорь Никодимович.

– Ничего страшного, Мария Ивановна. Спрашивайте, если не знаете, я поясню.

Я кивнула. Шестьдесят лет для мага не возраст, отдельные представители и до ста пятидесяти дотягивали. Бывало.

Говорили, что есть маги, которые и по триста лет прожили, но об этом – шепотом и тсс! А еще такая особенность. За долголетие маги расплачивались малодетностью. Максимум – трое детей, а потом – все. Как семя выгорает...

Магия тоже численность магов регулирует.

– А меня никто спросить не пожелал? – злобно прошипела я, глядя отцу в глаза.

Хотя какой он, к черту, отец? Торгует мной, как скотиной, и хоть бы раз о дочери подумал? Ведь не за хорошего человека сватает, не за того, который будет беречь и любить, заботиться и на руках носить! Нарочно, что ли, самых сволочей подбирает?

– Вас-то, Мария Ивановна, спрашивать, конечно, не собирались, – медовым тоном поведаль Романов. – Но мне интересно, почему не собирались спрашивать его императорское величество, под протекцией коего вы находитесь? Князь, вам неизвестно, что любой брак Марии Ивановны должен быть одобрен лично его императорским величеством?

Князь опустил бесстыжие глазки, но я уже сообразила.

– Я подозреваю, что откуп был готов. Много хоть за меня дать собирались, папенька?

– Не дерзи мне, дрянь!

Увы, пощечину мне отец дать уже не мог, а на слова я и вовсе плевать хотела. Это он с моим шефом не общался, кото-

рый иногда изъяснялся только на народно-матерном. Пусть спасибо скажет, если я его лексикончик не вспомню и не выдам здесь и сейчас, а то хочется, аж в груди печет...

– А мне тоже интересно, – подключился Игорь Никодимович.

Папеньку он выпотрошил, как пойманную рыбку – до дынышка. Еще и чешую поободрал.

Как я поняла, меня планировалось огорошить счастьем – и сразу же везти в церковь. Если что, глава юрта сильный маг, мне бы с ним никак не справиться, но и на подхвате несколько магов было. Пошла бы я замуж как миленькая.

Там же и брак закрепили бы, жених ради такого счастья третий день трезвый мается, как лох последний. А дальше проси, не проси...

Маги земли – зверюшки плодовые, вот ведь как. И Андрюшка будет от всех жен детей плодить, и я могу еще с десятков малышей нарожать. И маги будут! Скорее всего!

Залетела б я если и не с первого раза, то со второго, на то и настои есть, и артефакты, просто не всем они помогают. Но на магов земли действуют очень положительно.

Романов только головой покачал.

– Да, Иван Александрович. Вы меня просто поражаете.

Князь злобно поглядел на Романова, но понял, что таять не рекомендуется, могут и за хвост оттащить.

– Моя дочь – моя воля! Ей в юрте хорошо было бы, а за внука Алябьев ее озолотил бы! Да еще если бы маг родился!

И сильный!

– Что ж вы, папенька, себе какую-нибудь гулящую девку
в жены не взяли? – прошипела я. – Или подобрали уже мне
четвертую мачеху по образцу третьей?

– Ах ты, дрянь!

Отец размахнулся.

Я уже приготовилась встретить размах чайником – завар-
ка еще горячая, выплеснуть в лицо, а потом и самим зава-
рочником добавить, тяжелый, серебряный...

Романов поднял руку.

– Горский!

И так это прозвучало! Осталось только добавить: «Си-
деть!»

Князь мгновенно сдулся и опустился на место. Я постави-
ла чайник, не дожидаясь, пока меня попросят.

– Мария Ивановна, я надеюсь на ваше благоразумие?

– Да, Игорь Никодимович.

– Князь, я прошу вас запомнить, что Мария Ивановна на-
ходится под защитой его императорского величества. И лю-
бые попытки повлиять на ее выбор спутника жизни будут
рассматриваться как оскорбление императора.

Отец аж с лица сбледнул.

Я злобно ухмыльнулась. Так тебя, гада! И еще раз – так!

– Мы вас больше не задерживаем, князь.

Горский вылетел как под зад пнутый. Я посмотрела на Ро-
манова.

– Он все равно меня в покое не оставит. Вы же понимаете, Игорь Никодимович.

– Понимаю, Мария Ивановна. И, должен заметить, у вас есть замечательный выход избежать навязанного замужества.

– Да? И какой же?

– Разумеется, выйти замуж по любви.

И кто сказал, что тролли появились только с развитием интернета? Здесь они и сами по себе отлично бегают. Юморист, ёжь его рожь!

Романов поулыбался пару минут – и снова посерьезнел, показывая, что шутки кончились.

– А теперь подробнее про Демидова и его печальную кончину, Мария Ивановна?

Я послушно начала рассказывать.

И – гулять так гулять – поинтересовалась перспективами Нила.

Романов задумался.

– Так это ребенок Демидова?

– Мать клялась, что в нем кровь Демидовых. А вот чья именно... она утверждала, что его отец уже мертв.

– Хм...

Романов задумался.

– Я доложу государю. А вы, Мария Ивановна, пока ничего не предпринимайте и никому не говорите.

– Никто и не знает, Игорь Никодимович.

Романов поцеловал мне руку и распрощался. А я осталась сидеть, попивая чаек.

Да, закручиваются дела...

А и ладно! Прорвемся! Главное ведь в нашем деле что?

Как говорит наш дорогой шеф – главное в нашем деле это вот, «реализм».²

У меня, правда, шефа нет, в том мире остался, но реализм я точно обеспечу. Всем.

Добавлю, догоню, отвешу и снова добавлю. Во имя справедливости.

* * *

– Маша, а твой отец – идиот?

И когда Ванька умудрился растерять почтение ко всем, к кому надо? К власти имущим, стоящим выше по положению и старшим?

Плохо, плохо я на него влияю. Но ведь и правда – идиот.

– Диагноз пока не подтвержден, но субъект явно не адекватен, – в отместку заявила я. Пусть соображает, что это значит.

– Он что – не мог догадаться, что ты откажешься?

Я фыркнула.

– Ванечка, а ему на мое мнение было плевать и осталось

² Из кинофильма «Бриллиантовая рука» (Прим. авт.).

положить.

– Ну... государь бы не разрешил.

– Потом бы утрясли ситуацию, уж поверь. Нашли бы метод.

– И ты бы не простила никогда...

– Ваня... – Я вздохнула и решила объяснить все еще раз. – Вот представь себе ситуацию. Я прихожу в родной дом, рассчитывая на простое чаепитие, а мне объявляют волю отца. И дают авторитетом, и угрожают проклятием, между прочим, и еще конфетку какую перед носом вывесят. Могли?

– Могли.

– А там еще и глава юрта. И сам по себе мужик не хилый, да еще маг, да еще с опытом – поди рыпнись. Нет, потом я бы устроила им небольшой Освенцим...

– Чего устроила?

– Локальный филиал ада на Земле.

– А-а...

– Но это уже потом. Да и не рассчитывал никто на серьезное сопротивление. Мне ведь еще и двадцати лет нет.

Ваня вздохнул.

– Знаешь, Маша, твой отец не идиот.

– Да?

– Он большая сволочь.

– А вот этот диагноз подтвержден. Даже не сомневайся.

Интерлюдия 1

Александр Викторович Благовещенский задумчиво откинулся на диване.

Книжка в руке, коньяк в пузатом бокале, для картины полного счастья не хватало только сигары или трубки. Но он не курил.

Что привлекательного в дымовой трубе паровоза?

Или кому-то нравится нежно ее облизывать?

Вот Благовещенскому и не нравилось быть такой трубой. Не говоря уж о вреде здоровью. Нет, ни к чему.

В камине потрескивал огонь, за окном клубилась ночная темнота... хорошо!

Кота еще осталось завести, чтобы мурлыкал, или собаку...

Саша потянулся.

Да, хорошо...

Странно слышать эти слова от человека, который потерял дочь, практически потерял жену, отставлен с должности — так что ж? Бегать и орать, что все пропало?

Или даже ВСЕ ПРОПАЛО!!!

Нет уж. Не дождетесь. Счастье есть всегда, пусть даже в таких коротеньких минутках. Просто надо уметь поймать его. В минуте тишины, в солнечном лучике, игриво пощекотавшем нос, верной собаке, которая рада тебя видеть, мурчанье кошки, улыбке красивой женщины...

Сходить, что ли, к красивым женщинам?

Которые будут профессионально красивыми, услужливыми и радостными? И не так дорого это стоит, ей-ей. Зато спокойно.

Под венец не потащат, денег требовать не будут, детей не захотят...

Он прислушался к себе.

Нет. В бордель не хотелось. Не по физиологическим, по психологическим причинам. Просто... хотелось другую женщину.

Умную, красивую... мага земли.

Черт!

Да, вот так и не заметишь, а увлечешься. Княжна Горская оказалась той самой соломинкой, сломавшей спину верблюду. Ее ум, ее характер, ее любовь к родным и близким, готовность отстаивать их, даже с риском для жизни, сила воли... да и внешность тоже.

Такая... аппетитная. Есть за что подержаться, а то некоторых обнимешь – так о кости оцарапаешься.

Александр мечтательно вздохнул.

Физиология тут же подтвердила, что в данном случае она полностью в ладах с психологией, м-да... осталось княжну уговорить?

В том-то и дело.

Зная Марию Храмову, Александр прекрасно представлял, чем кончится такое предложение. Она не создана быть лю-

бовницей. Более того, предлагать ей нечто подобное подло и неправильно. И не согласится она.

Не станет ругаться, не отвесит пощечину, это не дамский роман, но закроется навсегда. И доверять не будет.

И в дом... нет, в дом-то пустит, но атмосферы общности и уюта у них уже никогда не будет. Вообще никогда.

Есть женщины, которых можно валять везде и всюду. На таких можно потом жениться, можно не жениться – это неважно. Это ничего не изменит.

А есть такие, как Мария.

На них можно только жениться. Это не значит, что им не нужен мужчина, но... они не умеют заводить интрижки. Для них отношения – это надолго, в идеале – навсегда, и относятся они к своим связям более чем серьезно.

Предлагать им интрижку просто подло и гадко.

Но...

Вопрос в другом.

Что сможет ей предложить сам Благовещенский?

Семью? Детей? Это у нее уже есть, хоть и необычная семья, но Марии хватает. И братьев она любит, и сыновей, и они ее тоже обожают, мало, что ли?

Себя?

Да, сокровище.

Не особо богатое, не в юрте, не...

Много чего – не.

Еще и с отставкой как сложится, кто его знает! Государь

может и на Камчатку сослать, крабов пересчитывать. Не хотелось бы.

Так что предложить ему нечего.

А было бы – что?

Александр задал себе этот вопрос и хмыкнул.

Было бы что – он бы не погнушался. И предложение сделать по всей форме, и хотел бы положительного ответа. Но зачем Марии такое счастье, в два раза старше, с сумасшедшей супругой, без чинов и званий, считай... Нет. Невыгодно.

А любовь...

А любовь состоит не только в том, чтобы в стогу валяться. Если уж ты семью заводишь, ты за нее и ответственность несешь. Одну он уже не вынес, как это ни печально признавать.

Благовещенский вздохнул.

Да, Маша заслуживает лучшего. Хотя...

На миг, только на миг он представил себе эту картину.

Он сам, вот как сейчас.

Маша с книгой – в кресле напротив. Дети, штук шесть, которые возятся на ковре, Ваня в костюме-тройке, который о чем-то расспрашивает, Петя в мундирчике кадета...

Пара пушистых кошек и большая собака с умными глазами довершили картину семейного счастья.

Да, это могло бы быть.

Но – не будет. А значит, и мечтать не о чем.

Благовещенский решительно задал картинку, убрал ее

в дальний угол памяти – и даже сам поразился, как это резануло по душе. Словно острым осколком стекла по обнаженной коже...

Не будет такого.

Никогда.

Больно...

Глава 2. Аудиенции и уединенции

Ох, не просто так мне Романов карточку-пропуск вручил. Как кусок сыра в мышеловку.

В тот же день, к вечеру, мне пришла кучка корреспонденции.

Первая – от Храмовых. Приглашение в гости. Отдала Ване – отписаться и вежливо отказаться. Вежливо, понял?

Понял, но наверняка поступит как я. Сначала напишет, что думает, а потом как надо. У меня шеф так писал, кстати, чтобы пар сравнить, иногда на заказчиков и всякие организации просто сил не было. Вот он и придумал, чтобы на сотрудников не срывать.

Сотрудники-то свои, родные, денежку зарабатывают, на них орать не надо, вы ж молотком по телевизору не шарашите? Вот он и не шипел. На нас.

А на всех остальных – можно. Не наживать же себе инфаркт из-за пару-тройки козлов?

Пришло письмо от любящего папеньки.

Ёж!

ОПЯТЬ!?

Меня опять пригласили на чай. Нет, ну ничему человека жизнь не учит.

Опять отдала Ване.

– Скопируешь мой ответ и отошлешь.

– Который ответ?

Я на секунду даже испугалась. Так отошлет, что я взаправду о папаше думаю, вот нам прилетит! Это сейчас я могу жертву изображать, а как только покажешь, что зубы есть...

Нет, нельзя.

Сочувствуют только несчастным маргариточкам. А несчастным росяночкам не сочувствуют, хотя кому еще хуже приходится – вопрос. Первым-то солнечного света хватает, а вторым тяжело, поди еще, налови себе обед!

Все равно.

Сочувствуют не тем, кто матерится, а тем, кто размазывает по щечкам слезки. Точно знаю.

– Ванька, не вздумай.

Парень посерьезнел в одну минуту.

– Маш, я же не дурак. Но черновик-то есть?

– Возьмешь в гостиной на столе, там папаша его и оставил.

– Понял.

Третье письмо было от главы юрта Алябьевых – Симеона Михайловича.

Хм, уважаю.

Мудрый мужик, понял, что к нему я не поеду даже под конвоем, и написал, что хотел бы встретиться со мной для обсуждения некоего взаимовыгодного дела.

– Напиши, что завтра с утра, – отдала я Ване конверт.

И взялась за последний, доставленный с царским курьером, который сейчас пил на кухне чай с водкой. Или водку

с чаем?

Неважно.

Пафосный конверт содержал не менее пафосное приглашение к его величеству. Завтра, на четыре часа дня.

Ох, ёжь твою рожь!

– Так... Ваня, солнышко, тащи мне «Трафаретник». Будем отвечать.

Ваня послушно стащил с полки толстенный том в кожаном переплете.

«Трафаретник», собственно, и содержал трафареты писем на все случаи жизни. Обновлялся он раз в десять лет, этого хватало.

Высочайшие письма, письма вышестоящим, нижестоящим, девушкам, мужчинам, на все случаи жизни – от назначения тайной встречи до прошения о помиловании. Мало ли что?

Мало ли как?

Обращаться к людям тоже уметь надо. Обороты можно вставлять и свои, а вот канва...

Милостивый государь или там Ваше Императорское Величество...

На это письмо мне надо ответить самой. А еще...

– Вань, будь человеком, пошли Петьку за модисткой. Мне нужно, чтобы завтра с утра мое платье было уже готово.

Ваня только вздохнул.

– Сейчас пошлю.

И вышел. А я вцепилась в лист бумаги. Так, сначала на-
черно.

«Ваше Императорское Величество!
Для меня огромная честь...»

Да уж. Щас описаюсь. Только вот не знаю, то ли от счастья,
то ли от нервов?

* * *

Портниха прибыла к вечеру, осознала грандиозность
предстоящей затеи – и ахнула.

– Да вы что! Я же не успею! Мария Ивановна, помилуйте!
Я вздохнула.

– А надо успеть, сами понимаете.
Тетка задумалась.

Минут пятнадцать охов, ахов и вздохов – и мы перешли от
страданий к пожеланиям. Да не так там и много надо было, я
знала, что именно хочу, а мадам знала, как это надо сделать.

И сделает. Завтра, к полудню.

Поймите меня правильно, я могу ко двору хоть в трусах
на подтяжках прийти, меня не колышет. Подозреваю, и им-
ператору плевать будет. Но!

В шахматы играют по шахматным правилам. А если нач-
нешь играть в покер как в дурака, то дурак там будет один.

В зеркале.

Э-эх...

* * *

Утро ознаменовалось прибытием Благовещенского.

Александр Викторович протянул мне букет полевых цветов, сунул мелким коробку с пирожными (лично проверял, не отравлено) и достал две погремушки. Посложнее – для Нила, попроще для Андрюшки.

– Мария Ивановна... – Мне поцеловали ручку и улыбнулись. – Как ваши дела?

– Замечательно, – рассеянно ответила я. А потом меня осенило. – Александр Викторович, а вы сегодня свободны?

– Да. Что случилось, Мария Ивановна?

– Алябьев случился. Симеон Михайлович, – честно отчиталась я. И рассказала о вчерашнем происшествии.

Благовещенский сжал кулаки.

– Стервятники.

– Их тоже понять можно... наверное, – махнула я рукой. – Просто я не собираюсь этим заниматься. А вот побеседовать придется. Не хотите послушать?

– Мария Ивановна, – смутился Благовещенский. – Я ведь вам не родственник. То есть... вы поймите, я рад буду помочь...

– Нет-нет, – махнула я рукой. – Не в том дело. Сережа,

мой муж, такую возможность предусмотрел. В стене гостиной есть замечательное слуховое отверстие, просто чудесное!

— Хм... но если вы затронете какую-то тему... достаточно личную.

— С главой юрта Алябьевых? — искренне удивилась я. — Вот уж с кем не стоит откровенничать!

— Мария Ивановна, я, конечно, согласен. Мало ли что. Но — вы уверены?

— Я — уверена, — кивнула я. — Пойдемте, я все покажу и вас устрою.

— А...

— А Симеон Михайлович прибудет в одиннадцать. Так что время у нас есть, но немного.

Благовещенский внял и проследовал за мной в небольшую комнатку, примыкающую к гостиной.

* * *

У главы юрта Алябьевых цветы были на порядок роскошнее тех, что мне уже вручили. Не полевые, а... деловые?

Да, можно и так сказать.

Протею и хеликонии я узнала, остальные мне даже в кошмарах не снились. Какие-то сложные и страшноватые.

Ну да ладно, дареному букету...

Из той же оперы был и шоколад — дорогой, явно понто-

вый, в роскошной деревянной коробке. Я вежливо поблагодарила, разглядывая гостя.

Да...

Это – маг. И это – юрт.

Передо мной стоял высокий седоволосый мужчина. И если кто вообразил себе Альбуса Дамблдора – сразу разочаруйтесь. Аккуратно подстриженные волосы, небольшая борода клинышком, сразу видно – ухоженная, результат парикмахерского искусства, умное лицо с резкими чертами, худощавая фигура, из тех, что с возрастом высыхают...

Умные голубые глаза, жесткая линия тонких губ. Чувствуется сила и власть.

– Госпожа Храмова, мое почтение.

– Ваше сиятельство, – я чуть поклонилась, не отводя глаз.

Да, он мужчина и глава юрта, но я женщина, и он на моей территории, и я тоже маг – тут много разных нюансов. И я с огромной благодарностью вспоминала уроки Андрея Владимировича. Пригодились ведь...

– Я надеюсь, вы уделите мне около получаса для приватной беседы?

– Прошу вас, – кивнула я на гостиную. – И благодарю за шоколад.

– Я слышал о печальном событии, которое имело место быть. Поверьте, мой шоколад не отравлен.

Кто настучал?!

Суки, урою!!!

Хотя чего я ожидала? Наверняка в полиции есть дятлы. Просто – наверняка.

Я устроила дорогого гостя, приказала подать кофе – и устроилась в кресле напротив, не проявляя ни малейшего интереса. Сам расскажет, зачем пожаловал.

* * *

Мы с Симеоном Михайловичем сидели в гостиной, попи-вали отличный кофе, лакомились шоколадом и плюшками...

– У вас замечательная кухарка, Мария Ивановна.

– Благодарю. Я передам ей ваши слова, ей будет очень приятно.

– Это чистая правда. И дом у вас уютный такой...

– Благодарю...

Светская беседа продолжалась около получаса. Глава юр-та поддерживал ее на чистом автомате, я тоже отгавкивалась, не собираясь акцентировать на чем-то внимание. Вот еще!

Ко мне хороший человек пришел кофейку попить... может, его дома не кормят? Всяко бывает!

Первому надоело, как я и думала, Алябьеву. Оно и понятно, у него время не казенное.

– Мария Ивановна, я надеялся увидеть вас вчера.

– У меня были дела, Симеон Михайлович.

– Надо полагать, важные, раз вы решили пренебречь приглашением отца.

– Да, важные, – спокойно подтвердила я.

Отца – отца – отца – ца-ца-ца!!!

В голове навязчиво крутилась старая мелодия. Только я не помнила про отца там – или овца? А, неважно!

– Я хотел поговорить с вами по важному для нас обоим вопросу, – наконец сдался Алябьев.

– Слушаю вас внимательно, Симеон Михайлович.

– Мария Ивановна, я хотел бы сделать вам предложение. От имени моего младшего сына – Кирилла.

– Предложение, князь?

– Да. Мой сын достаточно молод, еще не женат и ни с кем не помолвлен.

Я молчала, не проявляя энтузиазма. Вот еще не хватало, радость-то нашли! Вешаться впору от такого счастья!

Алябьев, не дождавшись от меня ни слова, ни звука, подумал и продолжил:

– Я предлагаю вам место в юрте Алябьевых, Мария Ивановна.

Я похлопала ресницами.

– Это такая честь для меня, князь. И так неожиданно...

Фальшь ощущалась на языке, словно перец в дешевом чебуреке. Так и резало. Но – правила игры.

– Неожиданно ли? – прищурился Алябьев.

– Не буду лгать, Симеон Михайлович, отец намекал на этот союз.

– Но?

– Но я не могу сразу ответить согласием или отказом, – пожала я плечами. – Мне надо подумать.

Алябьев изобразил удивление.

Думать? Да о чем тут думать, хватать и тащить надо! Да? Нет!

– Мария Ивановна, это достаточно выгодное для вас предложение.

А за словами так и читалось: для девчонки без особого приданого, репутации и связей. Ну-ну... мечтай!

– Не сомневаюсь. Но прежде, чем решать свою судьбу, я обязана поставить в известность его императорское величество.

Алябьев нахмурился. А так тебя, это не соплюшек разводить!

– Да, его величество... я полагаю, он не будет против, если вы изъявите желание.

Не будет против? Еще и полдвора позовет, поглядеть на идиотку, которая сама на плаху лезет, а вдобавок и гильотину лично настраивает, чтобы подольше помучиться.

Меня тут вообще за дуру держат? Да, похоже на то.

– Я обязательно поговорю с его величеством о своих желаниях, – похлопала я ресницами. – Сегодня же. У меня назначена аудиенция.

Алябьев как-то подозрительно скис и быстро распрощался со мной. Я пожала плечами, допила кофе и помахала ручкой в пространство.

– Александр Викторович, не желаете присоединиться?
Долго упрашивать не пришлось.

* * *

Благовещенский кипел так, что на нем можно было чайник вскипятить без особого труда.

– Наглость какая!

Я пожала плечами.

– Полагаю, идиоток хватает. Которые вешаются на сына главы юрта. Или нет?

Александр Викторович задумался.

– Сложно сказать. Но вряд ли. Всем известно, что младший сын у него не удался.

– Ничего, зато общий семейный капитал вполне привлекательно выглядит, – съехидничала я. И уставилась в стену. – Как вы думаете, стоит ожидать силового решения вопроса?

– Вряд ли. А вот попыток надавить – вполне.

Я вздохнула еще раз.

– И что за жизнь пошла? Грусть на грусти, печаль на печали...

– Не переживайте, Мария Ивановна, все образуется.

– Да будешь тут не переживать. – Я сегодня точно рекорд по вздохам побью. – Не один, так другой, не другой, так третий... обязательно ведь какая-нибудь сволочь найдется. И чего они прицепились?

– Так вы же маг земли, Мария Ивановна.

– Так не единственный же!

– Проявленный, сильный, могущий дать хорошее потомство – разве мало?

– Мало.

– Знатная, красивая, умная женщина. Тоже редкость.

– Вдова с подпорченной репутацией. Я-то надеялась, хоть это отпугнет стервятников.

– У вдов практически не бывает подмоченных репутаций. Вам очень многое дозволено, Мария Ивановна.

– Плохо. Не то, что дозволено, а просто – плохо. Я не смогу вот так от всех отбиваться...

– И не надо. Выберите кого получше, выйдите замуж.

Я посмотрела на собеседника как на недоумка. Благовещенский смутился и спрятался за чашкой кофе. Вот и правильно, нечего тут!

– Александр Викторович, вы видите мою семью. Сколько пройдет времени, прежде чем меня попробуют заставить отказать от них? Сутки? Двое?

Ответом мне было молчание.

То-то же.

– Пейте кофе, Александр Викторович, – вздохнула я. – Я пойду одеваться ко двору, кажется, платье уже доставили. Как-то все очень неположительно складывается, вы не находите?

Находил. Но и что сказать – не знал. Оставалось молча

пить кофе.

* * *

Когда я спустилась вниз, уже одетая, одобрили все. А Александр Викторович даже дар речи потерял. И было от чего.

Платье было очень удачного фасона – подчеркивало мои достоинства, тонкую талию и высокую объемную грудь, и уменьшало недостатки. Плотная гладкая юбка зрительно удлиняла ноги, лиф обрисовывал грудь, глубокий вырез отлично маскировался плотной черной сеткой, камея у горла привлекала к нему внимание, а отделка черным стеклярусом вообще была то что надо. Бусинки поблескивали и покачивались в такт движению.

Красота!

Украшений – камея и маленькие сережки с перламутром.

Волосы уложены в строгую прическу, тяжелый узел на затылке, несколько выпущенных локонов, массивная заколка, тоже с перламутром. Вуаль мне не полагается.

На руках ни колец, ни браслетов.

Траур.

Но даже траур может быть соблазнительным.

– Маша, ты шикарно смотришься, – отмер братец.

Я подмигнула ему.

– Как ты думаешь, получится соблазнить императора?

– Зачем его соблазнять? – отмер Благовещенский.

– И правда. – Я сделала вид, что погрустнела. – Незачем, но вдруг? Как-никак, такая добыча на дороге не валяется! Потом правнукам рассказывать буду!

Ваня первый понял, что я шучу, и фыркнул.

– Маш, смех-смехом, а правда, может, тебе попроще одеться?

Я покачала головой.

– Ванечка, это минимум. Даже меньше минимума, если я еще проще оденусь, меня просто не поймут.

– Плохо. Ты слишком хорошо выглядишь.

Я вздохнула.

– А буду выглядеть плохо – проявлю неуважение еще до встречи с его императорским величеством. И так плохо, и этак. Ладно, будем надеяться – пронесет. Там, при дворе, куда как симпатичнее дамы бегают, и на все готовы. Я вообще не интересна в таком раскладе.

– Я бы не был так уверен. Вы очень... вы выглядите, Мария Ивановна... – отмер Благовещенский.

Я махнула на него веером. Тоже черным, кружевным, кто бы сомневался.

– Выгляжу. Будем надеяться, все обойдется.

Мы все надеялись, и, кажется, на одно и то же.

На кой черт, правда, я императору? Оставьте меня в покое, а? Ведь так хорошо жилось в Березовском, если не считать всех этих убивцев? Так уютно...

Домой хочу. А надо – во дворец.

У-у-у-у-у-у...

* * *

Роскошь и красота.

Мрамор, позолота, картины, гардины...

Описывать?

Зря тратить время и силы. Но Версаль по красоте явно не дотягивал. Хотя это – мое личное мнение, а не французов.

Вот и кабинет, в котором нам прошлый раз давали аудиенцию.

Я робела.

Вот как хотите, я не трус, но я боюсь! Страшно же!

Я иду к человеку, который одним движением брови может вообще стереть меня из истории. Была – и нет. А на нет и спроса нет.

Прошлый раз разговаривали с моим мужем, я вообще была для декорации, а вот сейчас...

Страшновато.

Но действовать все равно надо. Я вошла в кабинет и склонилась в глубоком реверансе. Долго ждать не пришлось.

– Поднимитесь, княжна. Прошу вас, проходите.

Княжна.

Это важно. Не госпожа Храмова, не «сударыня», не «Мария Ивановна», именно княжна. Его величество подчерки-

вал достаточно высокий статус собеседницы, и разговаривать он собирался с аристократкой.

Я еще раз поклонилась и послушно опустилась в предложенное мне удобное кресло.

– Благодарю вас, ваше императорское величество.

Статус. Я – гостя. Уважаемая и нужная, это видно. А вот зачем нужная – неясно. А то к рыбке фугу тоже со всем почтением относятся, а потом – на сковородку.

– Полагаю, княжна, вы гадаете, зачем я вас вызвал?

И молчание. Я развела руками, понимая, что это не тот случай, когда надо играть в переглядочки.

– Ваше императорское величество, ваше дело приказать, наше дело подчиняться. А думать... я всего лишь женщина. Я не смогу понять всех ваших замыслов.

Иван Четырнадцатый явственно расслабился.

– Не принижайте себя, княжна. Вы не просто женщина, вы маг земли, вы умная женщина.

– Благодарю вас, ваше...

– В приватной обстановке разрешаю называть меня – государь. Сэкономим время.

– Благодарю вас, государь.

– Неужели у вас не было даже догадок, зачем я вас вызвал?

Я пожала плечами.

– Государь, полагаю, вы мне сейчас об этом скажете. К чему тратить время на глупые мысли глупой женщины?

– Княжна, вы меня радуете. Я понимаю, что нашел в вас

Сергей Иванович.

Я промолчала.

Понимаешь? Ну и молодец, оставайся при своем понимании! А мне скажите наконец, какого ежа рогатого я здесь делаю?

Его величество мило улыбнулся.

– Княжна, скажите, у вас есть мечта?

Хм? Меня что – собираются купить?

– Да, государь. У меня есть мечта.

– И какая же?

– Я хочу стать первой женщиной-агрономом.

– Кем?!

А приятно, черт возьми! У его величества форменным образом отвисла челюсть, и я не упустила своего шанса.

– Государь, давно известно, что в год человек съедает примерно сто килограмм хлебных продуктов, сто килограмм картофеля, около ста килограмм овощей и фруктов. Это я еще не учитываю мясо, рыбу и молочные продукты. А говорю только о том, что важно мне. Все это фрукты и овощи, все это зерно кто-то должен выращивать. Население империи под вашим чутким руководством растет, а вот площади вряд ли прибавятся без войны. Можно сделать определенный вывод. Либо мы увеличиваем число посадок и требуем с крестьян больше, либо заменяем сорта овощей, фруктов, зерна, которые дают плохой урожай, на нечто более высокоурожайное. Весь последний год я занималась этим вопросом,

именно как маг земли, и, если позволите, пришлю свои выкладки.

Его величество даже головой помотал.

– Выкладки, княжна?

Видимо, от меня ждали чего-то более женского. К примеру: «семью», «детей», «свой салон в Париже».

Ага, щас!

Семья у меня есть, дети тоже, а салон в Париже... Да мне эта гадость не нужна в принципе. Не то что в Париже, а в жизни.

– Ваше величество, излагать все это на словах долго, да и цифр получилось много. Сколько мы получаем с гектара при использовании той или иной культуры, сколько получаем с магически улучшенной, сколько можем получить, к чему надо стремиться...

На меня поглядели с явным интересом.

– Присылайте ваши выкладки, княжна. Я лично их прогляжу.

– Благодарю вас, государь. Могу ли я попросить о милости?

– Какой именно, княжна?

– Государь, если вы будете кому-то показывать мои выкладки, прошу не упоминать обо мне как об авторе.

– Почему же, княжна?

– Потому что мужчины могут быть не вполне объективны, государь. Особенно когда речь идет о женщине в науке.

– Пожалуй. Да, княжна, вы меня озадачили.

Я изобразила смущение.

– Прошу простить меня, государь, если я была дерзкой.

– Нет-нет, не стоит извиняться. Но я полагал, что у вас есть более... дамские мечты.

У меня еще и дамские сумочки есть, и дамские недомогания.

Дамские мечты?

Да у всех женщин одна и та же мечта. На всех и сразу! Чтобы войны никогда не было! Чтобы мирное небо над головой, чтобы дети не умирали... это – всеобщее. А остальное – частности, которых вполне можно добиться и самостоятельно. Той же любви, ту же семью создать, денег заработать...

– Государь, разве это плохо? Чтобы все были сыты и довольны жизнью? Чтобы моим детям хватало хлеба, чтобы младенцы не умирали от голода, потому что матерям нечем их кормить...

– Хорошо, Мария. Что ж. На мелочи вы не размениваетесь.

Я развела руками, как бы демонстрируя, что каюсь.

Не размениваюсь. И вообще...

Я – такая.

– Что ж, княжна, я и сам посмотрю ваши выкладки, и специалистам их покажу. Обещаю.

– Благодарю вас, государь.

– Но вызвал я вас не за этим.

Вот кто бы сомневался? Мы перейдем наконец к делу или будем жвачку жевать?

– В прошлом году вы показали себя как умная и достойная всяческого уважения дама. Надеюсь, в этом году вы не изменились.

Я изобразила всяческое внимание.

– Мне известно, что мой сын уже послал вам несколько букетов. Что вы собираетесь делать сейчас, когда вы не замужем?

– Уехать из столицы, государь. С глаз долой, из мыслей вон.

– Не из сердца?

– Подозреваю, что в сердце цесаревича мне нет места, государь. Да и ни к чему. Его высочество должен жениться для блага страны, и лучше – по любви. Хотя бы по взаимной симпатии.

– Вы правильно мыслите, княжна. К сожалению, Василий увлекся вами.

Ты мне хочешь предложить стать проституткой, что ли?!
Ну знаете ли!!!

Усугубить свою вину оскорблением величества мне не дали. Потому что государь облокотился на стол и даже подался вперед.

– То, что я скажу, Мария, должно остаться между нами. Вы меня поняли?

– Да, ваше величество, – отчеканила я, леденея от ярости.

Ох, только бы не сорваться. Только бы не выдать этому коронованному хаму в лицо что-то нехорошее. Держись, Маруся...

– Вы ни в коем случае не должны оказаться в одной постели с моим сыном.

Фу-у-у-у-у! Слава Богу!

– Не просто так Василий вспылал к вам чувствами. К сожалению, это был приворот.

Теперь настала моя очередь сидеть с отвисшей челюстью.

* * *

Прошло не меньше пяти минут, прежде чем я промямлила непонимающее:

– Ваше величество? Приворот? Но...

– Я знаю, что вы скажете. Что ментальное воздействие просто невозможно, верно?

– Возможно, ваше величество, но вы ведь маг воды? И в вашей династии передаются по наследству определенные способности. Разве нет?

– И откуда такая осведомленность, Мария?

– Ваше величество, у меня проявленный дар. Конечно, я изучала все, что касается магии.

– Это есть в открытом доступе?

– Государь, ищущий да обрящет.

– Логично. Ладно, не будем ходить вокруг да около, на

всякую силу найдется другая сила, на всякое действие – противодействие. Моего сына собирались приворожить к его невесте.

Я открыла рот и опять его закрыла.

Подумала пару минут.

– Англичане, ваше величество?

– Не факт, Мария. Кстати, я могу вас так называть?

– Разумеется, государь.

Можно подумать, если я запрещаю, то меня послушаются. Вы не против, если я вами закушу? Нет, что вы, угощайтесь, вам печенку или селезенку?

– На известном вам балу вы просили – чего?

– Защиты. Для хозяина дворца.

– Чары должны были закрепиться именно там. Но ваши действия привели в силу старый механизм... я сейчас не стану перечислять вам выкладки специалистов. Но привязка оказалась переброшена на вас.

– Я не хотела, государь...

Интересно, а меня сейчас не решат по старому методу? Нет человека, нет проблемы? Кажется, эти мысли так четко были написаны у меня на лице, что государь рассмеялся.

– Не пугайтесь, Мария Ивановна. Устранять вас смысла нет.

– Почему, государь?

– Потому что приворот шел с крови – и на кровь.

– Ваше величество?

– Просто Василий влюбится в вашу сестру, потом в следующую... надо вырезать всех, в ком течет кровь Горских. Нет смысла.

Хм. Интересно, если с крови – на кровь... надеюсь, на мужчин это не распространяется? Или один раз – не передаст?

Молчу. О таких догадках лучше промолчать, пока мне голову не открутили, здесь толерантности нет, здесь это извращение, за которое и повесить могут. И в принципе, и за то самое место, которым извращался. Россия вам не Европа, это в Италии подобное в практике, еще с эпохи Возрождения.

– И кто посмел? Ваше величество?

– Мария, в том-то и дело. Вы оказались в это втянуты самым непосредственным образом. Еще задолго до приснопамятного бала.

– Ваше императорское величество?!

– Вы до сих пор не знаете, кто хотел вас убить, верно?

– Да, государь.

– Игорь Никодимович пролистал ваш дневник. Вы помните вот этот день, Мария?

Я проглядела страничку, покачала головой.

– Нет, ваше величество.

– Прочитайте еще раз...

Я послушно просмотрела страничку, исписанную крупным ученическим почерком.

Ну и?

Мария Горская была достаточно послушной дочерью. Тихой, спокойной, скромной. Единственное исключение – Милонег, вот тут у девочки сорвало крышу и выломало фундамент.

Мария начала лгать, встречаться с любимым втайне от всех...

При определенном желании это несложно сделать. Там прибавить время, тут убавить, попросить подругу прикрыть тебя...

Мими Перова – вот кто прикрывал Марию в тот день. Княжна ушла из дома подруги, чтобы встретиться с любимым, и они гуляли по столице, избегая центральных улиц. Там им появляться было попросту нельзя.

Друзья, знакомые...

Мало ли кто?

Мария накинула шаль на шляпку, чтобы хоть немного спрятать лицо, и они бродили по переулочкам, Милонег оказался превосходным рассказчиком и собеседником, и княжна буквально парила в воздухе от счастья.

Любовь!

Увы, на выщербленную мостовую воздушность никак не повлияла. Мария попала каблучком модной туфельки в щель между камнями, оступилась, едва не сломала ногу. Милонег успел ее подхватить, но каблук был изувечен безвозвратно. А ведь ей еще домой возвращаться.

Можно сделать вид, что изуродовала каблук уже потом,

выходя из кареты, но даже в карету надо еще зайти! И до дома подруги тоже дойти надо.

Не босиком.

Не на руках у мужчины. Он-то отнес бы, но в процессе снискал бы такую известность в столице, что никакой рекламы не надо. Назавтра бы все и всё знали.

Выход был один – починить каблучок.

Милонег нашел ближайшую лавочку сапожника, донес туда Марию, усадил и рявкнул на мещанина, чтобы тот поторапливался. Мастер принялся ремонтировать каблук, Мария сидела, а Милонег вышел за дверь, чтобы купить возлюбленной булочку у уличных торговцев.

Странно звучит?

Но княжне-то все было в новинку! Она жила в строгости, и булочки с лотка ей не покупали! Никогда!

Мария не знала в лицо Матвеева. Его знал Милонег, с ним и поздоровался, о нем и рассказал княжне Горской, его княжна упомянула в своем дневнике.

А вот второго Милонег не знал. Зато его по описанию прекрасно узнал Романов.

В каждом государстве есть отрасли науки, которые находятся под запретом.

Якобы.

К примеру, никто не признается в разработке биологического оружия, но ведь оно разрабатывается?

В данном случае никто не признается в разработке ору-

жия массового поражения, но...

Как я поняла, этот человек занимался некромантией. Серьезно, успешно, будучи руководителем целой группы магов. Занимался в том числе и тем разделом, который относится к магии крови.

К примеру, получаешь ты волос врага, и он гниет заживо. Это ж какие перспективы?

Тебе его даже ловить не надо.

Или внушение. То же самое, по капле крови, чтобы человек делал именно то, что надо магу. Много возможностей, много вариантов, и в магии тоже есть гонка вооружений. Дело житейское.

В подробности государь не вдавался, а я не стала расспрашивать, решив, что проживу дольше. Факт тот, что данный ученый существовал. И занимался государственными заказами, успешно и активно. Ибо был гением.

А потом он немного поссорился с его величеством.

История банальная. Из-за такой некогда ушел в оппозицию Ульянов-Ленин, чего уж там. Семья у ученого была большая, братья, сестры...

Вот один из братьев и полез в политику. Причем в худший ее вариант, который называется «агрессивное стремление к революции». Читай – к суициду.

Пока кружок дурачков просто провозглашал прокламации, полиция посматривала на это сквозь пальцы.

А вот когда они решили уничтожить градоначальника, ко-

торый сделал нечто ужасное, по их меркам... А именно: приказал, когда дурачье решило устроить пикет на главной площади города, переловить всех участников. А потом тупо заголить их, там же, на площади, выпороть – и при всех отдать на поруки родителям. Мол, не набралось ума соплячье, так я его через задние ворота вгону. А остаток родители доложат.

Понятное дело, ячейка бунтовщиков в данном городе была деморализована.

Кровь мучеников, конечно, является питательной средой для бунта. А поротые задницы?

Весьма и весьма сомнительно. И друг на друга смотреть тошно, и людям в глаза – стыдно, и по всей империи разошлось, так что методику стали и в других городах применять...

Вот горячий студент и решил уничтожить такого эффективного борца с революцией.

Неудачно.

Балбесов взяли на стадии подготовки, узнали планы и ошалели. Бомба?

Да, но черт побери! Начиненная несколькими горстями поражающих элементов, таких как гвозди, металлические шарики, прочий тяжеленький лом...

Сволочи!

Ведь взорвись такая пакость на улице, пострадает куча ни в чем не повинного народа! Но борцов за свободу этого самого народа подобные мелочи не останавливали.

Парня взяли, вместе с друзьями, и приговорили к повешению. Ученому это не понравилось, и он бросился в ноги государю.

Его величеству это тоже не понравилось. Но – ладно, ценный специалист имеет право на определенные капризы. Так что Романов организовал братцам встречу, дал почитать протокол, разъяснил все обстоятельства дела...

Не помогло.

Ученый настаивал.

Его величество решительно отклонил все просьбы о помиловании, и это понятно. Прощать террористов? Это для самоубийц, а его величество таким никогда не был.

Ученый с красивым именем Артемий Дмитриевич разозлился, инсценировал свою гибель и поклялся отомстить. Конечно, императору, понятное дело, это ж он виноват, что у дураков задницы чешутся! Недопороли!

В подробности меня опять не посвящали, но я поняла так, что пара акций увенчалась успехом. Сам император не погиб, но кое-кто из его родственников, к которым было легче подобраться...

И вот!

В дневнике княжны Горской записано о встрече Матвеева с этим человеком.

Романов начал копать. Активно, так, что земля во все стороны полетела.

Матвеев свидетелю не обрадовался и постарался устра-

нить Милонегу. Но одно дело – гвардеец, хоть трижды самый разблестящий, другое дело – княжна Горская. Как ни относиться к князю, но подобраться к его родным не так-то легко. Дом князя был защищен по всем правилам, ритуалы проведены, на родных тоже, любил он там дочь или не любил, а позаботился. Это плюс.

Примерно в это время князь заключил помолвку с Демидовым, княжна резонно устроила истерику и оказалась под замком и под наблюдением. Чтобы от радости не удавилась. И достать княжну стало еще сложнее.

Милонег запаниковал, рыбка срывалась с крючка.

Матвеев запаниковал. Поди поживи на бомбе! И зацепил Милонегу.

Так и попал к княжне артефакт, который она испытала. В результате на ее место пришла я.

Минутку?

– А я думала, покушались на Демидова. Простите, государь...

– Это – тоже. Матвеева вполне устроило бы, погибни вы вместе с женихом.

Одним махом семерых побивахом. С-сволочь.

– Понятно, государь.

– Потом все вышло из-под контроля.

Ну да. Встретиться с княжной Милонег не сумел, да и вообще, сдался он мне! Три раза! Отшила, ничего не взяла...

– А что планировалось на том вечере, государь?

– Тот случай, княжна, когда два интереса сталкиваются на повороте, и от них только щепки летят. Вы сами понимаете, что для ее высочества Александры мой сын – крайне удачная партия. Была...

Я промолчала. Лучше в это не лезть и не говорить, что в английской династии кровь не особо хороша. В этом мире Елизавета Тюдор плюнула на все и родила от мага сильного ребенка. Сильного мага. Но...

То ли мага она выбрала неудачно, то ли проклятие какое вплелось... в династии английских королей время от времени проявлялось безумие. И кого оно затронет – неизвестно. Лотерея.

Порченная кровь, этим все сказано.

– Ее высочество спланировала приворот. Матвеев хотел избавиться от вас.

– Таким образом?

– Да, и от Милонеге тоже. Что до моего наследника... вполне возможно, целью был не он, а ее высочество. Если вы не в курсе, Матвеев мечтает пристроить Анастасию за Василия.

Не в курсе?

Да тут разве что статуи тему не облизали, потому что молчат. Они же каменные! А все остальные не просто в курсе – уже даже сплетничать перестали. Надоело!

Несколько заклинаний наложились друг на друга, и получилось...

Дрянь получилась, между нами-то говоря. Но так бывает даже с таблетками. К примеру, пьешь ты противозачаточные, потом заболеваешь гриппом, глотаешь антибиотик – и залетаешь. Не все и не всякие, но в сочетании может быть и такой эффект. Одно лекарство отменило действие другого. Или нейтрализовало его. Или...

Итак, приворот пошел на меня. А еще покушение. И я сбежала из столицы.

– А почему Милонегу не убили тогда? Государь?

– Потому что сам по себе он был не слишком опасен. Прикормлен, на коротком поводке, да и... считайте, Мария, вы его спасли. Матвеев не знал, где вы, что с вами... есть ли смысл устранять Милонегу, если вы живы? И информация в любой момент пойдет – куда? Неизвестно...

Я медленно кивнула, укладывая в своей голове новые факты.

Что ж, тогда объяснимы покушения на меня. И не матвеевские ли лапки дотянулись до Дарьи Благовещенской? Разъяснить бы этот вопрос?

Ладно, это я Романова спрошу.

– Надо сказать, сбежали вы, Мария, очень удачно. Привязка не успела закрепиться. Это ведь не абы что, а магия крови, на всю жизнь делалась, там надо быть рядом, а в идеале и разделить постель. И снова – вы этого не сделали. Василий остался... пусть не полностью свободен, но достаточно.

– А если бы была завершена привязка?

– Он смог бы иметь детей только от вас. Или от той женщины, к которой привязан. А он мой первенец и наследник. Я медленно кивнула.

Паршиво, что уж там. Вспомнить хотя бы печально известного Николая Второго. Вот уж апофеоз маразма!

Делал ты сына, получился гемофилик! Ну, выдай ты замуж дочерей и, если появится здоровый внук, – срочно его в наследники! Что, догадаться сложно? А если кому что не нравится – на освоение Сибири! Или покорение полюсов! Зато преемственность власти обеспечилась бы.

Нет, не понять...

А тут принцесса с сомнительной родословной (в плане проклятий и болячек), и дети только от нее. Но у государя есть ведь и другие дети.

Но...

Увы, это слово – но! Всего две буквы, но сколько пако-стей!

Если внутри царской семьи начнется раздор, ничем хорошим это не закончится. В выигрыше будет только заграница.

Ладно, с этим ясно.

И покушения ясны, и...

– А почему на меня тогда покушались в Березовском?

– Мария, вы умная женщина. Подумайте сами, Матвееву это было выгодно?

– Нет.

– И покушения-то глупые...

– Мне это тоже приходило в голову, государь.

– Вы еще не догадываетесь, кто?!

– Анастасия Матвеева?

– Да, Мария. Именно Анастасия Матвеева. Пока вы живы, она не сможет стать женой Василия.

– Но если привязка идет с крови – на кровь?

– Я пока не знаю, на что она рассчитывает. Но Романов это еще выяснит.

Я промолчала.

Ну... более-менее логично. Но наверняка есть еще и второй слой, и третий, о которых мне никогда не расскажут.

Матвеев лезет на Урал, другие юрты пытаются его остановить...

Нет, не разобраться. Разве что с Благовещенским еще посидеть, подумать?

Эх, был бы жив Андрей Васильевич, он не отказал бы. А так... Сплошные сложности.

Его величеству надоело смотреть на меня, и он перешел к делу.

– Мария, мне нужно раз и навсегда покончить с этой ситуацией. Поэтому мне нужна ваша помощь.

– Приказывайте, государь.

– Первое. Игорь Никодимович скажет вам, куда и к кому прийти. С этой привязкой надо кончать... если ее нельзя вырвать, ее надо перекинуть на другую девушку.

С хорошей родословной и вообще подходящую. Поняла.

– До той поры вы не должны оказаться в одной постели с цесаревичем. Чем меньше вы будете с ним видаться, тем лучше. Его к вам тянет, хотя и неосознанно, но пока вы были далеко... расстояние имеет значение. Сейчас вы рядом, тяга начнет усиливаться. Надо с этим разобраться – и быстро.

– Да, ваше величество.

Цесаревич что – ни черта не знает?!

Однако!

Я еще на своих родителей бочку катила? Мама, папа, простите идиотку! Здесь вообще играют, как фигуркой в шахматах, и извинений не дождешься. И кто!

Родной отец!

– Вы понимаете, что все должно остаться между нами?

– Да, государь.

– Я не беру с вас клятву на крови, потому что обстоятельства могут поменяться, но вы меня поняли, Мария.

– Да, государь. Я вас поняла и буду молчать.

– Романов с вами свяжется в ближайшее время.

– Да, государь.

– Второе. Матвеевы. Сейчас они полезут на Урал. Демидовых, считайте, не осталось – прямых наследников...

– Ваше императорское величество, прошу меня простить...

– Слушаю, Мария?

– Мой приемный сын по крови – Демидов. Прямее некуда.

– Вот как? Подробности? Хотя... потом. Пусть Романов

возьмет у него кровь, если окажется, что он Демидов, тогда мы встретимся еще раз. Тогда пока оставим это, мне надо обдумать вопрос.

– Да, государь.

– Третье. Мария, так уж сложилось, что Матвеев попросит устранить вас.

– Ловля на живца, государь?

– Можно и так сказать. Поэтому...

– Я ценю ваше благородство, государь.

Кажется, мне удалось удивить его.

– Кхм?

– Вы могли бы и не предупреждать, государь. Просто использовать меня в своих планах.

– В том и дело, Мария. Когда человек знает о планах и способствует их выполнению, дело идет лучше. Не со всеми, но вы именно к этому типу людей и относитесь.

Спасибо за лесть. Но верится с трудом.

– Мария, я понимаю, что это опасно, но все будет компенсировано, обещаю.

– Государь, мне ничего не нужно. Но я прошу в случае моей гибели позаботиться о моей семье.

– Всем что-то нужно, Мария. Но я запомню – и обещаю: я позабочусь о ваших близких. Ваши дети?

– И мои названные братья. Ванечка и Петя. Иван и Петр Синютины.

– Кхм...

Кажется, мне удалось еще раз удивить его величество.

– Обещаю. О них позаботятся.

– Благодарю, ваше величество.

– Я провожу вас, Мария. И вызову еще раз – на аудиенцию. Не удивляйтесь, если пойдут определенные слухи.

Ну да.

Тебе удаль не в укор, а мою репутацию ты опустишь ниже плинтуса. Хотя...

Плевать!

Замуж я все равно не собиралась.

– К чистому грязь не липнет, государь.

– Вы умны, Мария. Не будьте же слишком умной.

– Как прикажете, государь. Сразу же после ужина начну срочно глупеть.

Я сделала «няшные глазки» и захлопала ресничками.

Его величество от всей души рассмеялся.

Так мы по дворцу и прошли, под взглядами придворных и слуг. М-да, уже завтра полгорода будет сплетничать, что я его величеству во всех позах дала.

Прямо на столе, в кабинете.

Одно утешает, хоть две пиявки отвалятся. Вряд ли папаша теперь прицепится с замужеством. Да и Храмовы хвост подожмут!

А все равно – неприятно.

В том же ключе высказался и Ваня.

– Маша, как-то это...

– Это – что? – Я была не в лучшем настроении. Вот и рычала по поводу и без повода.

– Император же...

– Ты о том, что он меня подставил?

– Я бы не стал так говорить, – замялся Ваня.

– Ага, а делать, значит, можно?

– Маша, это государь...

– Вот именно, Ванечка. Вот именно.

– Маша?

Я вздохнула, осознала, что брат ничего не понял, и принялась объяснять.

– Ванечка, солнышко, я – величина?

– Ну...

– Нет. А император?

– Да.

– Вот. Если сравнивать... ты будешь объяснять тараканам, за что им достается тапкой?

– Не буду.

– А меня пригласили, объяснили... как ты думаешь, зачем?

– Не знаю? – задумался Ваня. – Зачем?

– Подозреваю новый этап какой-то сложной интриги. Точно сказать не могу, потому как всей информацией не владею, но чтобы власть имущие считались с властью не имущими? Такого не бывало никогда.

– Хм...

Ваня покусал палец. Потом почесал в затылке, и, прости-мулировав таким образом мыслительную деятельность, подвел итоги:

– Драпать надо?

– Надо. Но не дадут.

– Плохо.

Да вот кто бы сомневался, что плохо. Но и удрать нам не дадут, и прыгать по команде придется...

– Ваня, я составлю завещание.

– Маша! Ты что?!

– Ванечка, солнышко, помолчи и послушай.

– Да?

– Я оформлю завещание на детей и вас с Петей. Им свое, вам свое. Тебе Лошинку, Пете крупную сумму денег, мальчишки тоже свое получат. Нилу рудник, Андрюшке все, что осталось от его отца... я все распишу: и что, и кому, и куда. А ты будь любезен следуй указаниям. Не пропадете, обещаю. Только малышня не оставляй, ладно?

– Обещаю.

– И будь человеком, не женись, пока Андрюшке хотя бы четырнадцать не исполнится, чтобы мальчишки могли за се-

бя постоять. Мало ли какой твоя жена окажется.

Ваня помрачнел. Про маман вспомнил, оно и понятно.

– Я обещаю. Но ведь все будет хорошо, правда?

– Обязательно будет, – кивнула я. – Главное, чтобы мы были при этом самом всем.

– Маша, это как-то звучит...

– Да нормально это звучит, – поморщилась я. – Нормально. И вообще, я допускаю – все.

– Я... Маша, давай все-таки уедем?

– Куда?

– Да хоть бы и во Францию!

– Ах, Ваня, Ваня, мы с тобой в Париже нужны как в бане пассатижи.³

– Что?

– То. Горькая, но правда. Не нужны мы там никому. Мы и тут-то никому не нужны, кроме себя самих, так что держись, братишка.

– Маша... мне страшно.

А мне-то как было страшно! Но я старшая и самая крутая, так что пришлось улыбаться.

– Ваня, Ваня... справимся. Обещаю.

Ваня шагнул ко мне, опустился на пол, обхватил меня за колени...

– Маша, Машенька, не умирай, пожалуйста...

И смеяться не хотелось над умоляющими глазами, над от-

³ В. С. Высоцкий. «Письмо к другу». (Прим. авт.)

чаянным лицом. Только пригладить взъерошенные вихры.
– Я все сделаю, чтобы выжить. Я вас просто так не оставлю.

Братишка не верил, но и выбора у него не было. Не вешаться ж превентивно? В надежде, что мучиться меньше будешь?

Нет уж. Мы еще помучаемся, а если повезет, то и врагов с нами вместе зарюют. А еще лучше – без нас. В индивидуальной могилке.

Даешь простор и ячность?⁴

Однозначно!

⁴ Ячество – резко выраженный индивидуализм, выдвижение собственного «я» на первый план. (Прим. авт.)

Интерлюдия 2

Игорь Никодимович нечасто относился к людям хорошо. Работа у него такая, понимаете ли, подозревать, что каждый второй человек сволочь, а каждый первый – дурак. За редким исключением.

Вот сейчас он как раз и беседовал с одним из этих редких исключений.

– Что вы можете мне сказать?

Собеседник удобно устроился в кресле и грел в ладонях бокал с коньяком.

– Мария Ивановна – девушка крайне неглупая, серьезная, решительная. Риска не боится, но зря рисковать не будет. Свою семью будет беречь в любом раскладе и кидаться за них будет... я однажды такое видел.

– Да?

– Да. У меня была кошка, вот она, защищая котят, кинулась на собаку. Нос ей располосовала, глаза чудом уцелели...

– И что случилось с этой кошкой?

– Собака ей перегрызла лапу, но котята остались целы. И кошка выжила.

– Будем считать это неплохой аналогией.

– Вот Мария Ивановна напоминает ту кошку. За свой выводок она на кого угодно кинется.

– Главное – правильно мотивировать?

– В том числе. Но мне бы не хотелось...

– Понимаю. Вы к ней привязались?

– Да.

– А что вы готовы для нее сделать?

Вопрос явно застал собеседника врасплох.

– В каком смысле?

– В буквальном, друг мой. В самом что ни на есть буквальном.

– Я для нее готов на многое, а вот она для меня – вряд ли, – просто ответил собеседник. И отхлебнул коньяка.

– А вам бы хотелось изменить эту ситуацию?

– Смотря как, друг мой, – иронично парировал собеседник. – Смотря как.

– К примеру... Марию Ивановну все равно надо будет выдавать замуж.

– И вы рассматриваете меня как подходящую кандидатуру? Смею вас заверить, она не согласится.

– Ну, при правильном подходе она не просто согласится, а еще и попросит вас об одолжении.

Александр Викторович Благовещенский, а это был именно он, покачал головой.

– Не надо, друг мой. Не стоит. Я не лучший супруг для молоденькой девушки с трудной судьбой.

– Это как сказать. Ей нужен рядом кто-то достаточно сильный, чтобы защитить ее, и достаточно взрослый, чтобы не сломать. Его величество... разрешил мне присутствовать

при его беседе с княжной, и я был поражен ее суждениями. Иногда мне кажется, что княжне не восемнадцать лет, а в два раза больше. Ей не подойдет юнец с ветром в голове, ей нужен кто-то посерьезнее.

– Княжна об этом знала? О вашем присутствии при ее беседе с императором?

– Нет. Не знала.

Благовещенский иронично улыбнулся.

– Она очень сложный человек, Игорь Никодимович. И советую это учитывать. Когда она поймет, как ее использовала, она не простит.

– Мне не нужно ее прощение. Мне нужно сотрудничество.

– Сотрудничать она будет. И поймет. Но не простит никогда.

– Никогда – это слишком короткий срок для вечности.

– Не будем философствовать, друг мой. Так что вы предлагаете мне сделать?

Романов тоже сделал глоток коньяка и одобрительно кивнул.

– Обсудим.

* * *

– Она в городе!

Девушка мерила шагами комнату.

Хороша она была – хоть ты сейчас садись и картину рисуй.

Огромные миндалевидные глаза голубого цвета, светлые волосы, точеное личико, за фарфоровой белизной которого ухаживали часами – не дай бог веснушки появятся, лучше смерть!

Фигура тоже выше всяких похвал. Где надо – пышно, где надо – узко, изящные руки, маленькие ступни... Девушку можно было предьявлять как эталон. Сочетание породы и больших денег, и вы получите такой шедевр.

Жаль только, сейчас прелестное лицо было искажено от ярости, а губы искусаны. Ну ничего, алее будут!

Девушка остановилась, метнула в стену вазу, пронаблюдала за сверкающим градом осколков и топнула ножкой.

– Гадина!!!

Да, и такое бывает. Когда другая перехватывает то, что предназначалось тебе. Обидно же, господа!

Разве она не создана, чтобы блистать?

Разве не пойдет ей корона?

А как звучит? Ее величество Анастасия!

И ведь бывало такое! И Матвеевы были в королевском роду, и принцессы не брезговали выходить замуж в их юрт. Но... отец сказал, как гвоздь в гроб забил: «Сейчас Рюриковичи не рискнут с нами родниться, слишком много мы силы набрали».

А хотелось.

Не просто хотелось, Анастасия понимала, что нужно-то совсем немного. Приложи усилия, и колесо провернется, и

на древний трон может сесть ее сын. И... Это открывает возможности.

Но понимал это и Иван Четырнадцатый.

С другой стороны, если цесаревича застанут с Анастасией в компрометирующей ситуации – никуда он не денется. Женится как миленький.

Когда отец узнал о привороте, он очень обрадовался. Что проще – разработать свое или чуть-чуть подправить чужое?

Конечно, второе!

Тем более что есть хороший специалист... Анастасия шла на бал с чувством... ах, с чем сравнить это чувство? Что ты поймал за хвост птицу удачи?

Как вино, будущее счастье кружило голову.

Императрица Анастасия!

Дайте время, дайте только время, а уж ждать Матвеевы умеют. И плести интриги тоже... пусть придется ждать год, два, десять – разве это важно? Когда на кону – Корона?

И вдруг все идет кувырком.

Взрыв, трагедия, больница, постаревший на десять лет отец... И – крушение всех планов.

Привязка среагировала... черт побери, да кто мог знать, что так получится?! Хотели перевести все на Анастасию, а получилось...

Видела она эту княжну Горскую. Что в ней такого? Толстая, страшная, тупая... Корова!!!

И когда отец сообщил, что княжна нашлась, что она в Бе-

резовском... кто бы удержался на месте Анастасии?! Дело было даже не в привязке – в мести! Пусть почувствует на себе, пусть кричит и корчится от боли, пусть...

Гадина!!!

Родители и сами не подозревают, как много дети знают об их делах. Отец чуть тогда не убил Настю, но дело было сделано.

Неудачно!!!

Да что этой гадине – сама сила ворожит?

А теперь вот она опять в столице. И принята при дворе. И...

Анастасия задохнулась от гнева.

Да, его высочество может жениться только на невинной девушке, иначе это морганатический брак. Но...

Исключения есть всегда.

И можно не жениться, можно стать фавориткой. Можно – многое.

Анастасия отлично знала, что этот приворот неснимаем, вот ведь какое дело.

И что ей теперь делать?

Анастасия шагнула к зеркалу. Поглядела на себя... это зрелище всегда ее успокаивало.

Она знает, что ей надо сделать. Берегись, гадкая корова! Я тебя еще достану!

Глава 3. Первые шаги – вылезли враги

– Мария Ивановна, вам письмо.

Я взяла из рук слуги изящный конверт. Да тут не просто пахнет большими деньгами – тут ими смердит.

– И что тут у нас?

Вопрос был риторическим, потому как сургуч легко раскрошился под пальцами.

– Ёжь твою рожь!

«Уважаемая госпожа Храмова.

Прошу принять меня для разговора о взаимовыгодном деле. Завтра, в десять утра.

М. И. Матвеев».

– Очень приятно, царь.

И что тут еще скажешь?

Матвей Матвеев, тот самый глава юрта Матвеевых, папенька психованной кошки, которая пыталась меня убить, хотя и не своими руками...

Пришлось отписываться, что буду рада видеть столь милого человека. И тут же Романову.

Пусть разбирается!

Господи!!! На Урал хочу!!!

Лучше стадо гадов, чем столица! Змеи – такие милые, добрые, няшные... по сравнению со столичными заморочками...

Да я каждую гадюку расцелую! Лично – и два раза! Только отпустите!

* * *

До вечера у нас перебивали:

Романов. Побеседовали. Захотелось взвыть.

Бригада медиков. Взяли кровь. Захотелось убить.

Маги. Хотели снять приворот.

Вот тут мне даже убивать уже не захотелось. Это просто песок, уж вы мне поверьте. В меня тыкали иголками. Вокруг меня чертили фигуры разноцветными мелками и возжигали разноцветные же свечи.

Гостиную загадили и задымили так, что, ей-ей, можно было подумать, я в ней держу дракона с хроническим гастритом. Сожрали всю выпечку на кухне, выпили весь кофе и подобралась к запасам чая. Довели меня до невроза, а Нила да тонкого нервного шипения. Полоз совершенно не желал слазить у меня с рук. Чувствовал, что дяди – три штуки, все маги, воздуха, воды и огня, лучшие придворные специалисты в своем деле, судя по структурированным каналам, – относятся к нам ничуть не дружественно. Даже наоборот – как

к забавному казусу.

Как биологи к лягушке.

Ой, а если ей лапку оторвать? А если ее током подергать? А посмотрите, мы ей голову отпилили, а она все равно ползет...

Этакое вивисекторское восхищение.

На кого будем перекидывать приворот, мне пока не сказали, рано. Сначала надо нащупать путь. В принципе, что один раз сделано было, то и повториться может, но надо знать – как. А с этим проблемы.

Гениями эти маги не были. Даже рядом с гениями – не стояли и не лежали. Подходы стандартные, все по учебнику, все без души. Но это я понимала.

Настоящего гения на зарплату не посадишь, скучно ему будет. Нетворчески. Не то, не так... его же в рамки не загонишь, у него вдохновение. А на работе должна быть отчетность. Вот и возникает когнитивный диссонанс, хотя тут и не знают этого словосочетания.

Маг, который делал приворот, был стандартным. Тут все понятно.

А вот переброска произошла из-за наложения двух заклинаний. И второе разрабатывал гений. То есть – шиш повторишь.

Но маги честно пытались.

У меня голова пошла кругом от сочетания: дифференциация потоков по резистентности в условиях когерентного ре-

зонанса. А что это может означать...

Вроде и по-русски говорят, но лучше б на китайском. Там хоть понятно, что ничего не понятно, а здесь ясно, что я дура.

И, кажется, не я одна.

Маги ругались, спорили, повторяли раз за разом свои действия, то чередуя, то что-то изменяя в схемах, и я буквально видела, как вытягиваются у них физиономии.

Увы...

Не то что переделать – они даже разобраться не могли, что именно надо переделывать.

Для себя я сделала вывод. Надо найти того ученого и поговорить с ним. И вытащить его имя из Романова, кстати говоря.

А что?

Пусть переделывает, что наворотил, а я ему в ответ что-то интересное подгоню. Кровашки наежу, грамм сто, на опыты. Думаю, с гадюками макси-версии он еще не встречался. А гению наверняка будет интересно.

Так что я стала ждать Романова с нетерпением.

Он как раз обещал к матвеевскому визиту подгадать, полчаса у нас будет, вот я его и тряхану. Пусть колется.

Не то я его сама потыкаю чем-нибудь остреньким.

Романов явился в девять утра. Не приехал на коляске, а потихоньку, пешочком, через дверь для прислуги, в плаще и шляпе, почти неузнаваемый, да еще и что-то для отвода глаз прицепил. Хорошо, хоть сказал заранее, а то попался бы в ловушку, лечи его потом. Так себе и представляю – ваше величество, это не я, это он сам! С моей стороны это была самозащита, имею я право защищать свой дом, чем хочу?

Вот!

А что Игорь Никодимович попался в ловушку... мне его тоже жалко, хороший человек... был. Паранойя у меня в столице не просто обострилась – она переросла в манию и активно чесалась.

У Романова тоже, потому что с собой он взял еще мага воды, который вежливо раскланялся со мной.

– Мария Ивановна, от Матвеева нет известий?

– Он не передумал, если вы об этом, – отозвалась я.

– Об этом...

– Интересно, о чем он хочет со мной поговорить?

– Вот и узнаем. Вы поговорите, я послушаю...

Кто бы сомневался. Но свои пять копеек я все равно подкатила.

– Как звали того ученого, Игорь Никодимович?

– Зачем вам, Мария Ивановна?

– Как – зачем? Спрошу у Матвеева, где его найти можно. Романов аж задохнулся от такой неприкрытой наглости.

– Вы уверены, что он ответит?

– Но я ничего и не теряю, верно?

Верно. Так что Романов помялся пару секунд и выдал военную тайну.

– Семен Семенович.

– Горбунков? – не удержалась я.

– Горбатов, – недоуменно отозвался Романов. – А Горбунков – это кто?

– Замечательный человек, – вздохнула я со всей возможной лицемерностью. Да и лицемерить особо не пришлось – разве я врала? – Жаль, его уж с нами нет.

– Ну-ну.

Я промолчала.

Горбатов, значит. Спросим.

Романов с молчащим магом были препровождены в соседнюю гостиную, откуда можно было наблюдать и слушать, а я осталась ждать дорогого гостя.

Ровно без двух минут десять лакей вошел в гостиную.

– Госпожа, его сиятельство Матвей Иванович Матвеев принять просит.

– Проси, – кивнула я.

И подмигнула в ту сторону, где должен был сидеть Романов. А потом поднялась из кресла навстречу гостю.

Что тут скажешь – хищник.

Высокий, сухощавый, видно, что не первой молодости, но также видно и другое. У меня так знакомый тренер по карате двигался, который всю жизнь и тренировал, и тренировался – видимо, Матвеев тоже не чужд боевым искусствам. Маг воды, сильный, тоже заметно.

Глаза жестокие, лицо холодное и спокойное, на губах любезная улыбка, но ёж! Почему мне так бронежилет захотелось доделать? И бомбоубежище?

Здесь и сейчас этот человек меня пугал. Очень пугал.

А поскольку никто не говорил, что Матвей Матвеев их пугает, напрашивался вывод. Для меня подняли маску...

Брр!

Внешне я постаралась ничего не показать. Мило улыбнулась.

– Добро пожаловать в мой дом, ваше сиятельство.

Хоть бы букетик хозяйке подарил, хамло.

– Госпожа Храмова.

Матвеев чуть обозначил кивок головой. Я обиделась.

Ладно, руку мне мог бы и не целовать, это по желанию. Но это он у меня в гостях, а не наоборот!

Напрашивается вывод – будут давить. Меня. Танком.

Ну и ладно, окоп выручит. Особенно когда в нем начальник тайной государевой службы окопался.

Я мило улыбнулась и промолчала. Ему нужно – пусть он и говорит. А я вот на розу полюбуюсь... подвляла, что ли?

Нет, просто лепесток завернулся, расправить надо.

Матвееву мое невнимание надоело ровно через двадцать секунд. Если переводить на нормальный язык – меня постарались напугать, а я постаралась продемонстрировать, что мне наплевать. Один – один.

– Мария Ивановна, надеюсь, вам нравится в столице.

– Да, Москва очаровательна. Но дома, в Березовском, мне нравится гораздо больше, – призналась я.

Матвеев сощурился.

– Наверное, вы хотите уехать домой?

– Безусловно хочу.

– Так что же вам мешает?

– Исключительно воля монарха. – Я по-прежнему улыбалась, напоминая себе пингвина с Мадагаскара.

– Воля монарха – закон для подданных, – согласился Матвеев. Разговор явно не клеился, поэтому гость перевел его на погоду.

Мы вежливо обсудили природу, погоду, последние светские сплетни, причем Матвеев все это время смотрел на меня как солдат на вошь, а я улыбалась и ощущала себя уже Гуинпленом.⁵

Первым это надоело Матвееву. Оно и понятно, у меня только семья и дети, а у него целый юрт. Внимания требует, заботы, понимания... так что Матвей Иванович резанул сплеча:

– Мария Ивановна, я бы хотел выкупить кое-что из на-

⁵ В. Гюго, «Человек, который смеется». (Прим. авт.)

следства вашего покойного супруга. Два рудника, Олсуфьевский и Уторпский.

– Не продается, – так же не стала ходить я вокруг да около.

– В этом мире продается все.

– Правильно. Но эти два рудника я вам не продам. Это наследство моего сына.

Матвеев пакостно усмехнулся.

– К тому времени, как он вырастет, это будут не рудники, а сплошные убытки. Мало ли что...

– Мало ли кто?

Не переживайте, на Урале к таким «ктотам» относятся проще. Закон – тайга, прокурор – медведь. Протокол – у волка под корявой елкой.

Вслух я этого, понятно, не сказала.

Матвеев, кажется, и так все понял, без озвучки, потому что прищурился вовсе уж нехорошо.

– Не продадите?

– Не вам. Лучше уж я рудники казне подарю, – припечатала я.

– Вот даже как?

Матвеева мои шипелки только позабавили.

– Мария Ивановна, я не был бы так категоричен на вашем месте.

– Хм... Понимаю. Но у вас нет ничего, что могло бы меня заинтересовать.

– Вот как?

– Да.

– Рудники я готов оценивать не в интересах, а в рублях.

– А зря, – протянула я. – Вот если так прикинуть, Демидов недавно померши. А мои два рудника отлично с его объединяются. У меня никель, марганец, а у него железо, медь... в комплекте оно куда как выгоднее, если все у одного хозяина.

Да, Храмов тихой сапой пригреб под себя аж шесть рудников. Я ошалела, когда узнала. Мы-то на один съездили, который ближе всего был, а так...

Вернусь в Березовский – надо будет поездить, как раз и малышня подрастет, их с собой взять можно будет.

Матвеев прищурился.

– Даже так, Мария Ивановна?

– Почему нет? Я только не уверена, что вам что-то достанется из демидовского наследства. У него родня есть.

– Сколько там той родни, – презрительно махнул рукой Матвеев. – Значит, не продадите?

– Матвей Иванович, а вы бы на моем месте продали?

– Я не на вашем месте, Мария Ивановна.

– И то верно. За вами убийцы не охотятся, да еще такие глупые, аж жуть.

Матвеев полоснул меня взглядом.

– Смотрите, не пожалейте о своем решении. Юрт мог бы защитить вас от убийц.

– Так речь идет о продаже – или о защите? – прищурилась я в ответ.

Матвеев уселся обратно в кресло.

– Почему бы нет? У нас в юрте есть несколько неженатых мужчин, а вы молоды, плодовиты и можете составить неплохую партию.

Козел.

– Тогда я уж лучше за Алябьева пойду, – съехидничала я. – Там целый второй сын главы юрта. Вы мне можете предложить что-то более выгодное?

– А Алябьев предлагал – это?

– Предлагал, – кивнула я. – Я отказала, потому и не вижу смысла хранить тайну.

Чтоб вы друг друга сожрали, пауки проклятые!

Матвеев хмыкнул и призадумался.

– Мария Ивановна, – в этот раз его голос звучал чуть мягче, – вы должны понимать, что эти рудники лежат в сфере наших интересов. Я не отступлюсь.

– Я понимаю. Вашей семье вообще свойственна настойчивость, – заверила я. – К примеру, вашей дочери. Вы не слышали, какая интересная история произошла на Урале? В Березовском?

– И какая же?

Я пересказала все события в Березовском. До последнего, с Дарьей Благовещенской и Демидовым. И закончила невинным:

– Демидов уверял, что вы причастны ко всему кошмару. Но ему, конечно же, никто не поверил.

Матвеев покачал головой.

– Это не мой стиль.

– Верно. Но всех ли вы контролируете?

– Мария Ивановна...

Я развела руками.

– Я не подозревала вас, Матвей Иванович, по очень простой причине. Если бы вы открыли на меня охоту – я была бы мертва.

Ответом мне была улыбка. Совершенно безумная и жестокая, брр!

– Разве я мог бы?

– Для блага юрта? Даже своими руками, не сомневаюсь.

Улыбка повторилась.

– Допустим. Но это действительно не я. Хотя мне и нужны рудники Демидова, но я пошел другим путем.

Я кивнула.

– Вы хотели лишить семью Демидова старинного талисмана, который дал им власть над горами. Вам это не удалось, но талисман сам рассыпался в прах.

– Откуда вы это знаете?

– Про талисман? Срок ему пришел, всему выходит срок.

Матвеев даже заинтересовался.

– И вы знаете, что это за талисман?

– Знаю.

– Так поделитесь же информацией, Мария Ивановна?

– Баш на баш, Матвей Иванович, – парировала я, размыш-

для о популярности имени «Иван». А что? Если царей так зовут, то и подданные не брезгают. Здесь это имя, как модно говорить, – в тренде.

– И что же вы хотите?

– Встретиться с господином Горбатовым, конечно.

Лицо Матвеева словно льдом покрылось.

– Ничем не могу вам помочь.

– Не верю, ваше сиятельство, – кинулась я в атаку. – Уверена, что вы не успели поссориться с того времени, помните, как я вас видела мило беседующими?

– Так вы все-таки видели, – протянул Матвеев.

– Бог дал мне глаза, что в этом дурного?

– Бог дал и язык.

– И я его честно держала за зубами почти два года. И дальше держать буду. Но у меня есть проблема, которую мне хотелось бы обсудить именно с гением.

– И что это за проблема?

– Вы не гений, Матвей Иванович.

Я не соврала. Мне действительно хотелось обсудить, что делать с приворотом. Вот некстати он мне, что хотите делайте. А смогут ли маги разобраться – бог весть.

– Допустим. Только допустим, что вы сможете обсудить эту проблему.

– И я расскажу вам, что за талисман был у Демидова, как он действовал и что с ним стало. Мне все рассказал хозяин талисмана.

Хозяйка. Но это уже неважно, Ните мои слова ничем не повредят.

– Я подумаю над вашими словами, Мария Ивановна. Значит, вы ничего не продадите?

– Нет.

– Тогда разрешите откланяться.

– Мне было приятно пообщаться с вами, князь...

Мы обменялись улыбками и распрощались.

Я упала в кресло. Лучше б я дрова грузила! Два раза! По три вагона!

– Мария Ивановна, вы умничка. – Романов подошел ко мне, устроился в кресле Матвеева.

Я выдохнула.

– Прослушек – нет?

– Нет. Мы контролировали.

– И то хорошо. Игорь Никодимович, что происходит?

– Вы о чем, Мария Ивановна?

– Понятно. Не ответите. Что за игра с Матвеевым? Зачем?

Романов посмотрел на меня жесткими и холодными глазами.

– Мария Ивановна, вы понимаете, что некоторые секреты нужно хранить до смерти?

– Вполне. Но?

– Сколько сыновей у нашего государя?

– Четыре. Василий, Иван, Андрей и Петр. А что?

– Вы ничему не удивляетесь?

– Честно говоря, удивляюсь. С этим приворотом проще было бы цесаревича...

– Не проще. В том-то и дело, Мария Ивановна, что цесаревич Василий не сможет наследовать за отцом.

– Как?!

– Будь он достаточно силен... мы надеялись, что родовая магия справится с привязкой. Не получилось. А значит – он не может стоять во главе государства. Вы понимаете?

Я понимала.

– Ёжь твою рожь!

Ну да. Это как президент-зомби,дохлый номер...

– И кто тогда?..

– Мария Ивановна...

Получилось так укоризненно. Я выдохнула.

– А если привязку разорвать?

– Все равно. Его величество сделает для сына все возможное, но править цесаревич Василий уже не сможет. Вот беда...

Я выругалась еще раз.

– Но...

– Цесаревич Василий – сын от первой супруги, если вы помните. Цесаревич Иван – от второй. Петр и Андрей от третьей.

Я вздохнула.

– А подробности вам ни к чему, сами понимаете.

Понимала.

За каждым цесаревичем кто-то стоит. Или юрт, или...

– Кошмар. Простите, Игорь Никодимович.

– Ничего страшного, Мария Ивановна. – И каким же усталым мне показался в этот момент начальник тайной службы. – Все в порядке. Но допустить повторения мы не можем. Так получилось, что императорская семья – маги воды. Вода изменчива и вездесуща, она смывает все, она не терпит на себе печатей, но... ведь удалось же! А что сделано один раз, может быть и повторено.

– Надеюсь, что нет.

– Я тоже надеюсь. Но с этим надо разобраться сейчас.

Ёжь твою рожь!

И больше мне сказать было нечего.

* * *

– Ёжь твою рожь!!!

Больно же!!!

Это единственная мысль, которая у меня осталась. А все так хорошо начиналось...

Всего-то и надо было пойти и купить шляпку. Ладно, и перчатки мне нужны были, и сумочка, и хорошо бы еще два веера, один к новому платью, второй – мне просто очень понравился, а платье я к нему потом куплю...

И что?

Ходить по лавкам теперь запрещается законом?

Законом надо запретить этих гадких террористов! А лучше не запретить, а по методу того умного градоначальника – десяток повесить, а остальных пороть.

Долго. Вдумчиво и со вкусом, я сама возьмусь!

Ваня вызвался сопровождать меня. Бедный, бедный братик. Ходить с женщиной по магазинам? Это жестоко...

Но сам нарвался.

И я нарвалась.

С девушкой я столкнулась в магазине вееров. Она выбирала себе веер, я вошла внутрь, она обернулась – и я чуть назад не шарахнулась. Столько ненависти полыхнуло в голубых глазах.

Словно я у нее любимую собачку джипом переехала, два раза.

– Ты!

Когда не знаешь, как себя вести, – будь вежлива. Это главное правило жизни.

– Добрый день, госпожа?..

Веер полетел на прилавок.

– Что-то здесь помойкой запахло!

Девушка вылетела так, что только пыль взвилась. За ней поспешила дама лет сорока пяти, а я в удивлении воззрилась на приказчика за стойкой.

– И что это было?

– Эм-м-м... Анастасия Матвеевна бывает немного резка, – заюлил приказчик. Еще бы. Он отлично видел и мое

платье, и украшения, да и спутать меня с простолюдинкой не получится.

– Матвеева? – переспросила я.

– Да.

Суду все ясно. Эта и правда на меня злиться будет... ну и пусть. Черт с ней.

Мы выбрали веера, потом в соседней лавке я приглядела замечательную шляпку, маленькую, из тех, что закалывают булавками, потом капор...

Все шло нормально. Но на выходе из третьей лавки...

– Сдохни, тварь!!!

И меня со всей дури ударили ножом.

В грудь.

Я даже не поняла сначала, что произошло. Закричал Ваня, зашумели люди, а я упала, простите, на задницу. Сила толчка была такой, что меня просто отбросило назад. Я сидела посреди дороги и глазами хлопала, как сова-шизофреник. Это что вообще было?

Убийца хотел ткнуть меня еще раз, но кто-то оглушительно засвистел, и мужчина бросился в толпу, которая шарахалась от него. Да, мир другой, а люди нигде не рвутся грудью на амбразуру...

– Маша! Машенька, ты в порядке?

Ваня бросился ко мне. Я попробовала вдохнуть, выдохнуть...

– Да все в порядке, Ваня. Все хорошо.

– Но... он же...

Я рассмеялась.

– Ваня, ну не зря же я сидела над защитой?

– Маша?!

Брат уже дышал ровнее, видя, что я не собираюсь умирать. И крови на мне нет. И нож рядом валяется, вот он...

– Что случилось?

Городовой. Вовремя...

Ваня принялся объяснять, что на меня напали, а я сидела дура дурой. Подниматься пока не хотелось. Что произошло?

Да ничего особенного. Просто, всласть поэкспериментировав с кевларом, я поняла, что нормальной защиты мне не видать. Либо клади сорок слоев – и тогда я буду напоминать робокопа по габаритам, либо...

А что – либо?

Защищаться ведь нужно!

Толчок инженерной мысли дали комбинезоны из латекса. А если вот такое же, но...

Материал должен быть другой. Нечто вроде очень тонкой кольчуги, легкой и гибкой. Реально ли это?

Вполне. Особенно если ты – маг земли.

Я думала вшить пластинки, но если меня ткнут между ними? Я защищу сердце, а получу ножом в печень? Или под лопатку? Или вообще в спину... кто сказал, что убийцы хорошо знают анатомию?

Пока мы ехали на рудник, пока мы ехали в Москву...

Образцы металлов у меня были. А Благовещенский честно тыкал в каждую пластину кинжалом со всей дури. Пулю, конечно, этот импровизированный корсет не остановит, в лучшем случае мне ребра переломает. А вот нож...

Дышать было больно. Двигаться – тоже. На платье дыра, попа в грязи, но я жива, цела и у меня ничего не сломано. Этого вполне достаточно.

– Ваня, помоги мне подняться и поймай пролетку.

– Да, сестричка.

Меня подняли на ноги. Городовой смотрел с уважением.

– Госпожа Храмова?

– Да. Мария Ивановна. А вы?

– Сидор Афанасьевич. К вашим услугам.

Я потеряла грудь.

– Сидор Афанасьевич, я напишу заявление, но хотелось бы отдохнуть и переодеться.

Городовой закивал.

– А как это... он вас ножом, а вы вроде как...

– Маг я. Маг, – процедила я.

Не демонстрировать же всей улице неглиже? И не рассказывать про сталь с добавками и присадками... я чего только туда ни мешала. И титан, и молибден... на поток явно поставить не выйдет. Тут маг земли нужен, да не из худших. Проще списать все на магию – и обойдутся.

Городовой стал намного почтительнее.

– Понятно, госпожа. А куда явиться прикажете?

– Особняк Храмовых знаете?

– Старшего или младшего?

– Сергея Храмова, – кивнула я. – Младшего.

– Когда прийти, госпожа?

– Давайте часа через два, – попросила я. – Буду себя в

порядок приводить.

Ваня уже поймал пролетку и теперь правил прямо ко мне.

Фу-у-у...

Домой и только домой. Отмываться и подсчитывать синяки. Нет, ну что за жизнь такая? Из дома нормально не выйти!

* * *

Романов навестил меня через час после того, как я оказалась дома.

– Мария Ивановна, здравствуйте.

– Здравствуйте, – кивнула я. – Здоровье нам всем пригодится.

Синяк на груди болел нещадно. Бил, сволочь, в самый центр...

– Я привез с собой врача, надеюсь, вы не возражаете против осмотра?

– Не возражаю. Игорь Никодимович, я у вас «под колпаком», да?

– Под колпаком? Интересное выражение...

– Игорь Никодимович?

– Скажем так, я посчитал, что на всякий случай рядом с вами должны быть помощники. Мало ли что?

– Сегодня я помощи не увидела.

– Почему же? Мария Ивановна, вас довезли домой, это первое. И поймали человека, который на вас покушался. Это второе.

– Замечательно! И кто его науськал на меня? – потеряла я руки.

– Мария Ивановна, давайте сначала осмотр, а потом уж все остальное?

Я поморщилась, но вынуждена была согласиться.

Врач, оказавшийся представительным мужчиной лет шестидесяти, с седоватой бородкой и усами «подковой», осмотрел синяк, ощупал мне грудину, расспросил об ощущениях и глубокомысленно покивал.

– Повезло вам, госпожа.

– Везение есть совокупность тщательной подготовки с паранойей, – меланхолично отозвалась я. А то нет, что ли?

Меланхолия тоже была в тему.

Моя защита надевалась по принципу корсета, сделать магнитные застёжки или «молнию» я просто не потянула. А потому надо было ее опять зашнуровывать. Весила она тоже несколько килограмм, и потела я в ней достаточно сильно, но снимать не собиралась.

Вот как ко мне Матвеев пришел, так и надела. Понадобится – я в ней спать стану! И ванну принимать!

Беда в том, что теперь надо ее опять затягивать. Хорошо хоть, шнуровка на боку, чтобы я сама могла ее надеть и снять, без помощи горничной.

– Удар был направлен прямо в грудь, вам бы пробило легкое, может, и не убили бы, но выздоравливать пришлось бы не один день. Вам повезло.

– Это точно.

Я выпроводила доктора, оделась, зашнуровалась и вернулась к Романову.

– Что за магию вы применяли, Мария Ивановна?

– Никакой магии, – отмахнулась я. – Просто у меня под платьем корсет.

– Корсет?

– Да, потрогайте сами.

Романов покачал головой.

– Верю. Но...

– С металлическими пластинками, как я привыкла.

– Ах вот оно что!

– Да. Простое везение. – Рассказывать про свое ноу-хау я не собиралась. Выдам при случае и не за просто так. Поторгуемся еще.

– Действительно везение. Я вам пришлю амулет, не снимайте, пожалуйста.

– Хорошо.

Защита будет кстати. Любая.

– Да, мой врач может взять кровь у вашего малыша. Его

величество рассказал мне о Демидовых...

– Пожалуйста, – кивнула я. И отправилась за Нилом.

Сказать, что мелкому не понравился Романов?

Это как промолчать. Нил решительно не хотел идти на ручки к дяде, отворачивался, не шел на контакт, шипел, хотя уже мог отлично разговаривать для своего возраста, цеплялся за меня, а когда увидел врача, разверещался так, что, наверное, в Кремле услышали.

Пришлось усестся в кресло и начать его уговаривать.

– Малыш, это надо сделать.

– Ня-а!

– Нил, солнышко, это совсем не больно, пара капель крови – и все.

– Ня – ачу.

Не хочу, понятно. Кто ж захочет и кому понравится?

– Пожалуйста, детка. А я сразу подую, поцелую, и пирожки пойдем кушать вкусные...

Пирожками малыш заинтересовался, это было и вкусно, и интересно. Так что мне удалось его уговорить.

Врач аккуратно царапнул палец мальчика, взял у него на круглое стекло капельку крови и тут же закрыл ранку чем-то белым. Корпия, кажется.

– Вот так, держите. Игорь Никодимович, одну минуту.

Из саквояжа было извлечено такое же круглое стеклышко с пятном крови. Это что – демидовская?

Интересное кино... у тайной службы образцы на каждую

тварь есть? Действительно интересно.

Врач тем временем извлек из чемодана какой-то прибор, похожий на большие очки. В него и отправились стеклышки, одно в один «глазок», второе в другой.

Врач пощелкал какими-то рычажками.

– Минуту...

Стеклышки засветились ровным зеленоватым цветом.

– Игорь Никодимович, все подтверждается. В мальчике действительно течет кровь Демидовых.

Я пожала плечами. Что я – врать стану? Императору? Самоубиться можно и попроще, и не так болезненно.

– С вашего позволения...

Я отнесла Нила на кухню, вручила няньке с наказом скоромить малышу штук пять пирожков, с чем он захочет, и вернулась в гостиную.

Романов выглядел довольным.

– Мария Ивановна, я доложу его императорскому величеству о результатах проверки.

– Будьте так любезны.

– А теперь про вашего убийцу. Несостоявшегося, да.

– Что с ним не так?

Романов остро взглянул на меня.

– А почему вы решили, что с ним что-то не так?

– Я этого человека не знаю. Значит – заказ. Кто меня заказал?

– Он не знает. Этот человек вообще опиоман, знаете о та-

кой болезни?

– Знаю. Сочувствую.

– Не думаю, Мария Ивановна, что этот человек оценит ваше сочувствие.

– А я и не ему, я в принципе, – махнула я рукой. – Кокаин, опиум... неужели нельзя разработать такие обезболивающие, чтобы на них не было привыкания?

– Это сложно, Мария Ивановна.

– А закись азота?

Честно говоря, других я просто не помнила. Новокаин? Лидокаин? Название-то я знаю, а формулу? Откуда мне ее знать? Кевлар вообще случайно запомнился именно из-за своей простоты.

А вот веселящий газ я точно помнила. Оксид азота один. Романов кивнул.

– Да, это есть. Но дома им не воспользуешься, особенно при мигренях.

– Да, лучше подсаживать подрастающее поколение на наркоту, – проворчала я, понимая, что сейчас не время. Можно подумать, без меня тут не знают, к чему это может привести. Разберутся, не маленькие. – Значит, опиоман.

– Да. Ему предложили денег, если он ударит вас ножом.

– За деньги такие люди и мать родную убьют, понятно. А заказчика он видел?

– Откуда бы, Мария Ивановна. На человеке был амулет, искажающий внешность. Вроде бы, женщина, но точно он не

уверен. Может быть и мужчина, вы же понимаете...

Понимаю. У меня даже кандидатура есть, но что толку? Романов и сам все понимает, но доказать ничего не получится.

Остается только посочувствовать друг другу и расстаться. На время. Думаю, на весьма недолгое время, до следующего происшествия.

Я как в воду глядела.

Поздно вечером, когда я уже ложилась спать, ко мне прибежала испуганная служанка.

– Госпожа!!!

– Что случилось?! – подорвалась я.

– Ваши братья!!!

Одного взгляда было достаточно, чтобы понять – дело плохо.

Ваня был красным, и температура под сорок. Петя был бледным и холодным как лед.

Мать вашу, это что за чудеса!?

Мальчишки лежали и не отзывались. Вообще...

– Срочно за доктором! – рявкнула я на слуг. – Немедленно!!!

Кто-то помчался по лестнице так, что только каблуки простучали.

Я заметалась по комнате.

Лекарства... какие у нас есть лекарства? И что им можно дать? И можно ли что-то дать?

Что это вообще за болезнь такая!?

Что происходит!?

Долго мне ответа ждать не пришлось. В дверь постучались, и слуга вручил мне письмо. Скорее, запечатанную сургучом записку.

«Если вы хотите увидеть своих «братьев» живыми, советую поторопиться. Порча «родной крови» действует быстро, к утру их не будет в живых, если мы не договоримся. Экипаж ждет, не медлите».

Вся записка.

Я задумалась. Потом рявкнула на слуг:

– Так! Ты бежишь к Романову, записку сейчас напишу.

Три слова. Про порчу родной крови, прикладываю записку, присланную мне, Романов поймет.

– Госпожа...

– Цыц!

Я собралась и готова была действовать. К счастью, подонкам нужна я, а не мои дети.

Есть шансы, что меня не убьют?

Да, весьма скромные.

Есть у меня выбор?

Нет. Я не готова платить жизнями мальчишек, не могу я так... Аринка, зараза, чтоб ты жива была! Найду – лично пришибу, подставила ты нас, стерва!

Что я могу сделать?

Только одно.

Я отправилась к себе в комнату, тщательно оделась, поцеловала Нила и Андрюшку, подумала, что завтра они могут уже стать сиротами...

Но этот узел надо разрубить.

Если я правильно помню, где-то далеко сейчас умирает Арина. Умирает жестоко и мучительно, а к утру умрет – и утянет за собой Ваню и Петю.

Кровь-то одна...

Это не зацепит ни меня, ни малышей...

Некромантия?

Не то слово...

Хорошо, маги, которые могут такое сотворить, попадают-ся один на миллион. И, кажется, я знаю конкретно этого мага.

Что ж.

Если сразу не убьют...

Есть ли у меня шансы? Да, где-то один шанс из ста. Но и поступить иначе я не могу.

Экипаж ждал меня на углу. Обычная черная закрытая карета.

– Это вы меня ждете?

– Княжна Горская?

– Госпожа Храмова.

– Да. Садитесь.

Я вздохнула и полезла в экипаж.

В следующую минуту меня дернули вперед и прижали к лицу что-то вроде сладковато пахнувшей тряпки.

Ёжь твою рожь!

Хлороформ!!!

Кажется, это была последняя мысль угасающего сознания.

Интерлюдия 3

Арина потеряла счет времени. Она не различала, день или ночь, не знала, весна на дворе или осень, она ничего не знала. Раз в сутки ей приносили еду, она отмечала это черточкой на стене камеры. Потом перестала.

Раньше тюремщики хотя бы заходили к ней. Сейчас этого не было.

Вообще.

Одиночество, полное и окончательное, решительное и безвозвратное... она сходила с ума от одиночества, от тоски... она медленно, но верно превращалась в безумное животное.

Она разговаривала вслух, она видела в темноте лица родных, она спорила и ругалась с ними, она пыталась куда-то идти, натыкалась на стены камеры, но не осознавала происходящего. С каждым днем она все глубже уходила в себя.

Слишком уж страшным было ее будущее.

Слишком...

Разум Арины стремительно разрушался, и это было для нее пожалуй что благом.

Когда за ней пришли, она даже не сразу поняла, чего от нее хотят.

Тюремщики вытащили ее, окатили из ведра с водой, переглянулись...

- Думаешь, хозяину она такой нужна?
- Сказал – привести, остальное не наше дело.
- Она ж тронулась...
- Да плевать. Думаешь, она у него долго проживет?
- Действительно...

На Арину кое-как натянули грубую рубаху и куда-то потащили.

Девушка даже не понимала этого. Она что-то бормотала, гладила руками воздух... Безумие укрывало ее спасительным пологом, когда она оказалась в лаборатории, гладило виски, когда ее растягивали в пентаграмме... и только когда запястья пробили острые иглы, боль ненадолго вернула Ари-не рассудок.

Но лучше бы не возвращала...

Слишком страшным было происходящее здесь.

Слишком...

А сойти с ума по заказу или потерять сознание – у нее так и не получилось. Она оставалась в ясном сознании, пока кровопотеря не заставила сознание кануть в омут слабости.

Глава 4. Минус один – господин

Не поняла?

Когда сознание вернулось, оказалось, что я еще еду в экипаже.

Я лежала на сиденье, напротив меня сидел мужчина, весьма похожий на Матвеева, а карета равномерно и плавно двигалась.

Слава богу, это была самая обычная карета, не оснащенная какими-нибудь радостями вроде хорошего освещения, как та, в которой путешествовали на рудник мы с мужем, а затем и с Александром. Так что мое лицо скрывали полутени.

Хорошо.

Я не торопилась шевелиться или подавать голос – зачем? Меня просто усыпят повторно.

Но почему хлороформ действовал так слабо? Обычно люди после него по нескольку часов в себя приходят, а меня еще и довести не успели.

Хотя это глупый вопрос. Почему, почему? Да потому что! Потому, что во мне течет кровь полозов. Вот такие выверты, на магов вся эта химия действует так же замечательно, как и на обычных людей. Мага можно пристрелить, как обычного человека, зарезать, отравить, если он предварительно не обвешался амулетами от всего и сразу.

А я-то не совсем маг. Мы побратались... посестрились с милой змейкой, и теперь я сама частично пресмыкающееся.

Интересно, хлороформ проверяли на змеях? Если и да, подозреваю, что магических тварей среди них не было. Этих полозов вообще ракетой надо фугасить, чтобы результат был. Ядерной боеголовкой лучше всего.

Итак, плюсы: я жива, активна и готова кусаться.

Минусы: я не знаю, куда меня везут, зачем и чем это кончится. А еще я не ядовита, так что укусить – укушу, но пользы будет мало.

Вырваться из кареты я смогу в любой момент, убить этого самоуверенного недоноска – тоже. Правда, я еще никогда не нападала первой, но какая разница?

Лучше я буду терзаться угрызениями совести, чем мои близкие – обходиться без меня. Я вот возьму и в любой момент силикатизирую этого придурка и сделаю из него «кремниевое человека». Просто добавлю углероду электронов и превращу в кремний. Или воспользуюсь старым заклинанием, с железом в крови. Пусть подохнет от удушья.

Я могу. А учитывая эксклюзивность моих разработок, защиты от них пока нет даже у меня.

Но!

Ваня и Петя.

Где-то там умирает Арина. И защитить мальчишек от магии крови я не в силах. Значит, надо добраться до девчонки, а сделать это я могу только одним способом. Играть по пра-

вилам своих врагов.

Не хочется?

Ничего, я потом это компенсирую. По всем правилам психотерапии.

Карета последний раз куда-то повернула и остановилась. Дверца открылась, и мой похититель выпрыгнул из кареты.

– Привез?

Голос был мне решительно незнаком.

– В карете.

– Достать помощи!

– Сам тащи эту девку!

Сам ты девка!

Но влезать в беседу и предлагать пойти своими ножками я не стала. Тем более что...

– Может, ее разбудить?

– Не проснется. Еще с полчаса – точно. Когда отец придет?

– Обещал примерно через час.

– Как раз времени хватит. Бери эту тварь и тащи в лабораторию к доку. Пусть ее раздевают и обыскивают...

Эй, а так мы не договаривались?

Ладно, до лаборатории потерплю, хоть посмотрю, сколько тут народа.

И я расслабилась до состояния половой тряпки. Может, еще и описаться?

Нет, это уже явный перебор. Потерплю, нагадить врагам

я всегда успею.

* * *

Кантуют, как комод с клопами!

Да, именно эта мысль и пришла в голову, когда меня грубо вытащили из кареты – хорошо хоть не за ноги, а потом так же грубо затащили в дом. Кое-как, перекинув через плечо. А потом так же грубо свалили на диван в углу и принялись обшаривать.

Ну-ну.

С меня стащили платье. Хмыкнули и принялись расшнуровывать корсет.

Сняли с шеи связку амулетов и артефактов на все случаи жизни – лично покупала. И, оставив в одном нижнем белье, опять куда-то понесли. И платье мое захватили, и артефакты – вот умнички какие! Больше мне и не надо ничего, собственно, кроме платья. Оно ведь лентой отделано, да не простой, а магниевой. Но кто б это понял? Отделка и отделка...

Постучали.

Я кое-как подглядывала из-под ресниц. Дверь. Большой зал, похожий на лабораторию безумного ученого. Интересно, у него тут пара гомункулов не растет?

Шкафы по всем стенам – раз.

Какие-то колбы, флаконы, тигли, здоровущая печь, разноцветные жидкости, химические столы, полки с книгами...

Кажется, еще и соседние помещения есть. И всё это – в столице? Под носом у его величества? Замечательно. Чем у нас, хотелось бы знать, полиция занимается? Медитирует на ромашках?

Я вообще зачем налоги плачу?

– Принесли?

– Да, док.

– Что ж. Посмотрим... даже не думал, что княжна окажется такой душой... блокиратор наденьте!

На шее оказывается ледяная металлическая полоса – и я сразу же наполовину слепну и глохну.

Магия земли уходит.

Блокиратор магии... интересно, откуда дровишки? Такое в лавке не купишь, даже на черном рынке считанные единицы, и все на контроле у Романова.

Ладно, уточним.

Тем более что слепну и глохну я только наполовину. Магия все так же бурлит внутри меня, так же переливается, словно танцует на хвосте змея, готовясь для атаки.

Мне отрезали магию земли. Блокираторы, чтоб вы знали, настроены на один тип магии. Земля, вода, огонь, воздух... какой стихией оперирует маг, ту и отрежут. А если на мага воды нацепить блокиратор магии воздуха, ему просто будет плевать.

Мало ли какие цапки на кого нацепят?

Безразлично.

Магию земли мне заблокировали.

Магию крови Полоза – нет. И подозреваю, никто и никогда не сможет ее отрезать. Если я сама не проговорюсь. А я лучше помолчу.

– Все бабы дуры, – отзывается угодливый голос.

– И то верно. Кладите ее на стол.

Лабораторный?

Ну знаете ли...

– А вещички ее куда?

– Клади ее и давай барахло сюда, посмотрю, вдруг что интересное есть...

Я тут еще одну деталь заметила – стол оборудован кольцами. Видимо, чтобы зафиксировать пациента и сэкономить на анестезии. Увы, у меня были совершенно другие планы.

И стоило меня приземлить попой на холодный стол, как я произнесла одно слово. Благо, платье уже было совсем рядом...

– Ацетилхлоридфосфат!

Вспышка ударила по глазам всех присутствующих. Почти, я-то зажмурилась. И злорадно улыбнулась.

А вы что думали, убогие, я просто так поеду?

Или от нечего делать платье лентами и бантами украшаю? Ага, щас-с-с!

Магний.

Простой магний, который дает офигеть какую вспышку, только магически обработанный. Вот его-то я и нашла к се-

бе на оборки. Налепила, строго говоря, шить мне не нравилось, а с помощью магии можно срастить маленькие камушки с отделкой в единое целое.

А что?

Красиво.

Держишь ты в руках платье, а потом в единый миг оно вспыхивает ослепительной белой звездой. Кто магниевую вспышку видел, тот знает – зрение у моих визави отключилось начисто, жаль, ненадолго. И это еще не все. Обгадились враги тоже по полной программе.

В буквальном смысле, да...

Правда, немножко больно, мне тоже досталось, вспышка все же происходит при температуре, потом придется лечить ожоги от искр. Видимо, надо было еще раз проверить однородность. Зато все присутствующие душевно завывают и держатся за глаза, не понимая, что произошло.

Ничего, я вам сейчас помогу.

Вот в углу замечательный топор стоит... тяжелый, правда, как сволочь, но своя ноша не тянет. Зато какой ухватистый, только надо обухом повернуть.

Ух-х-х!

Один готов.

Раззудись, плечо, размахнись, рука.

Второй – он же док – прилег в уголочке. Кто у нас умничка?

Маруся у нас умничка, так их, гадов! Теперь обследовать

помещение и связать всех, кто под руку попадется. А еще...
Афиняне, вооружитесь!

Не могу сказать, что обожаю огнестрельное оружие, но за неимением лучшего – и худшее сойдет. Вот какой симпатичный револьверчик торчит из-за пояса у моего транспортировщика. Просто руки чешутся...

Я достала пистолет, на всякий случай пнула по голове и одного подонка, и второго и огляделась. Ага, засов на входной двери – есть. Закрываем!

Блокиратор послушно стек с шеи в подставленную ладонь. И смялся в комок.

К черту!

Понимаю, что стоило бы оставить, но – нервы у меня тоже не железные! Уничтожить!

Магия земли послушно прихлынула в кровь, заставляя покачнуться от вернувшейся остроты ощущений... хорошо! Теперь я готова совершать подвиги! К примеру, могу что-то подвигать.

Смотрим дальше? Еще три двери. Первая... неинтересно. Санузел. Ванная комната, и роскошная, мраморная, но мне сейчас не до того. Придется отложить.

Вторая дверь?

Кладовка. Большая, полки, полки, полки... все забиты где реактивами, где частями тел в формалине... Брр! Гадость! Чтоб вас, сволочей, в Полинезию сослали! К людоедам! Но парочку баночек я присвою. Они полезные, мне при-

годятся. Вот так, возьму с собой, только осторожнее, а то кислота штука хорошая – когда она в аккумуляторе, а не у тебя на коже.

Третья дверь.

Ёжь твою рожь!

Арина!

Вот ты где, пакость мелкая... только мне-то что делать?

И было, было отчего растеряться. Третья комната явно отведена под ритуальный зал. Большая, с застекленным потолком, с рисунками на полу, явно на все случаи жизни, чтобы рисовать несложно – тут и круги, и пентаграммы, и гексаграммы, и еще какие-то фигуры... Сейчас красным была очерчена пентаграмма, по углам которой горели черные толстые свечи. И в этой пентаграмме лежала Арина.

Голая, окровавленная, с синяками и ссадинами, но явно Арина.

И из запястий у нее текла капельками кровь, текла от иголок, которые были всажены в ее руки... кажется, эти иглы насквозь пробивали запястья, прищипливая дуреху к полу.

Ёжь твою рожь...

И что мне делать?

Что происходит, я отлично понимаю. Тот самый ритуал, который перекинулся на Ваню и Петю. И когда умрет Арина, умрут и они. Только вот...

Могу ли я его оборвать? Я же в ритуалах как хрюшка в ананасах!

А, ладно! Плевать...

И я прицельно плюнула на одну из черных свечей.

Та зашипела и погасла, как порядочной свечке и полагается. Отлично, оплевываем вторую.

Пентаграмма медленно стала гаснуть. Я сшибла ногой последние свечи, подождала немного, пока погаснет свечение, и вошла внутрь.

Все в порядке, ничего не произошло.

Так, теперь Арина. Мне бы не ей сейчас заниматься, а дать о себе знать, но если я не сделаю хоть что-то, девчонка до победы не доживет. А мне ее жалко.

Иглы – выдернуть, благо, они легко поддаются, вставлялись в специальные углубления в полу. Руки перевязать, разодрав на бинты старую рубаху, которая валяется в углу. Остаток рубахи на пол, перекатить на него девчонку. Вот так, а то все почки отморозит на этом мраморе. Хотя вряд ли для нее это сейчас важно...

Но энурез – совершенно неромантическая болезнь. Равно как и застуженные почки. Страдать надо красиво... хотя туалет тоже неплохое место для страданий, нет?

Сильно я не волновалась.

На прошлой встрече Романов выдал мне амулет одноразового действия. Маячок, старую разработку, утраченную ныне мастерами. И именно по причине древности его сейчас не могли определить. Это как в двадцать первом веке не могли повторить многое из созданного ранее. К примеру – кубок

Ликурга.⁶

В научные подробности Романов не вдавался, а мне предложил постараться, чтобы в первые полчаса меня не убили. Потом кавалерия придет на помощь.

Я честно старалась.

Правда, подозреваю, кавалерия тоже не спешила. Мало ли куда меня повезут? Лучше сначала проследить, а уж потом спасать красавицу из лап чудовищ, красавицы от этого более благодарными делаются, факт.

А мне-то что делать? Пока не прибыли спасатели?

Хм...

Будь я героиней романа, стоило бы подумать о мире и отправиться в путешествие по особняку, убивая одних и спасая других. Это один вариант.

Второй – душевно лежать в обмороке, дожидаясь, пока меня спасет прекрасный принц... э, нет! Меня не туда занесло! Этот роман – вычеркиваем, принц не нужен. Никак и вообще!

И шляться я тоже не буду. Вундервафель у меня не так много, на всех не хватит. А я не женщина-халк и не Черная вдова, чтобы убивать всех, кто мне встретится на пути. Я просто не потяну такие развлечения.

Скрутят, отпинают, еще и жертвопринесут, пока кавале-

⁶ Кубок Ликурга знаменит в большей степени своими необычными оптическими свойствами. При обычном освещении кажется желтовато-зелёным, а в проходящем свете приобретает глубокий винно-красный оттенок. Сделать нечто подобное до сих пор не удалось. (Прим. авт.)

рия не подоспеет. Так что выберем третий путь.

Я вернулась в лабораторию и принялась подпирать дверь книжной полкой. Тяжелая, зараза! Из натурального дерева...

Вот так. Двери тут тоже хорошие, сразу не выбьют, и на окнах решетки... правда интересно, где такое в столице? Вряд ли меня успели куда-то далеко увезти, лошадь вам не «феррари», двести километров в час при всем желании не даст.

Во-от...

Я бы оделась, но платье пришло в полную негодность. Увы. Хорошо хоть не загорелось...

Двери припереть, пленников увязать еще раз, сунуть в рот по кляпу – и пусть лежат. А теперь поискать что-нибудь интересное.

Да, в том самом смысле.

И компромат, и что-то маленькое и ценное лично для меня. Я обязана получить компенсацию за моральный ущерб... очень мне эта американская идея нравится. У них, конечно, и глупостей полно, та же толерантность или политкорректность... ясно же, дурак и сволочь – это понятия вне расы и национальности. Они и среди белых, и черных, и желтых есть. А заодно среди голубых и розовых, оранжевых – и фиолетовых в коричневую крапинку. Важно ведь не кто ты, а какой. А если ты дурак и сволочь, так хоть ты негр, хоть ты гей, но ты все равно не поумнеешь и не станешь хорошим. И

точно так же если ты умничка и настоящий человек с большой буквы, то плевать всем на то, что ты негр и гей. Хотя ты кто будь...

Ладно, это я так, бурчу.

А вот с моральным ущербом идея замечательная. Я сейчас подумаю, что мне можно затрофеить в качестве компенсации. Интересно, а бриллиантов здесь нет?

Кажется, владелец лаборатории был чем-то недоволен, во всяком случае мычал он очень выразительно. Я подошла так, чтобы он мог меня видеть, и развела руками.

– Извиняться не буду. Я вас не похищала и не жертвоприносила. Вы первый начали, теперь терпите.

– Мумум-м! М-м-м-м-му-у-у-ум-м-м-м!!!

– Хотите сказать, что, если я сдамся, развяжу вас и жертвопринесусь сама, мне будет легче? – прозорливо угадала я. – Никак не могу-с. У вас там мрамор холодный, лежишь на таком – почки застудишь, писаться начнешь... неромантически, понимаете?

Судя по глазам ученого, он сильно подозревал, что у меня уехала крыша. И пытался отползти, пока не покусали.

Я покачала головой.

– Да вы не переживайте... я тут у вас хлороформ нашла. Полежите, поспите. А когда проснетесь, вас уже будут ждать добрые дяди, может даже в белых халатах. Или в синих бушлатах. Или еще в чем...

Утешая и успокаивая, я пропитывала хлороформом пару

платков. Один из которых и опустился плавно на морду ученого, а второй – зашевелившемуся конвоиру. Главное, самой не надышаться, но я пойду Арину проверю.

Нет, не пришла в себя.

Я осмотрела девчонку. Мизинец – в минус, синяки и ссадины – в плюс. Плохой баланс. Что еще?

Ну, в последнее время ее, кажется, не насиловали. И то хлеб. А что там с мозгами – бог весть. Я бы точно от таких радостей крышей поехала, не знаю уж, как она. И кровопотеря значительная.

Время к полуночи, это я поняла, когда меня из кареты вытаскивали.

И где кавалерия?

Я лениво листала книги, стоящие на полке, когда по коридору прошумели шаги и в дверь застучали.

– Господин!!!

Промолчать?

Ох, боюсь, не поможет...

– Господин, откройте, надо уходить!!!

Ага, кажется, кавалерия уже на горизонте. Романовский амулет сработал? Да, наверное. Осталось сделать так, чтобы меня не убили до их прихода. Попробовать потянуть время? Вперед, Маруся...

– Господин!!!

– Мальчики, док переутомился.

С той стороны двери замолчали.

– Ты кто такая!?

– Княжна Горская, – обиделась я. – Мы тут с доком того, потом этого... он у вас та-акой затейник... особенно когда на люстре! А потом утомился, сами понимаете, у дедушки фантазия большая, а выносливость маленькая, старый козел... то есть конь, борозды не портит, но ты его поди загони на пашню, чтобы он не сдох в процессе...

Нести ахинею я могла бы долго, но голос не стал слушать.

– Ломайте дверь!

Ага, наивный. Это тебе не перестроечный «дверофанеро-картон», это настоящий дуб. Чтобы его выломать – с той стороны такой же дуб нужен. Тараном, а не мыслительной силой.

Чем бы тут с гостями поздороваться?

О!

Где тут моя любимая и хорошая азотная кислота?

Ломайте двери, мальчики, сами напросились.

* * *

Я сидела напротив двери и ждала. Почему сидела?

А что – стоять, что ли?

Нет уж, пусть враги ломают дверь, тратят силы, нервы, время, а я подожду. Спокойно, без суеты... можно пока бомбочек наделать. Делюсь секретом.

Берется колба, в нее наливается азотная кислота, колба

затыкается, и стекло, под дружеским вниманием мага земли, истончается до состояния мыльного пузыря.

Чтобы лопнуло от первого же прикосновения.

Я-то знаю, за что хватать и как кидать, а остальные пусть страдают. Любой, кто попробует поймать эту колбу или отбить ее в сторону, получит по полной программе.

Может, еще что поискать?

О, кстати говоря!

Лабораторный халат, замечательный, вполне такой же, как в том мире. Мне нравится. Я накинула его и увернулась поплотнее.

Да, мое суперплатье теперь годится только на половые тряпки. Но испытание-то оно выдержало?

Эх, а был бы глицерин...

Я подхватила и помчалась в кладовку. Дверь уже поддавалась и трещала. Нет, искать в такой ситуации глицерин, да еще контролировать процесс своей магией – делодохлое. Ладно, кислотой обойдемся...

Дверь рухнула.

В проломе показались люди, сколько же их там? Трое?

Нет, четверо, но последний держится в отдалении.

– ЛОВИ!!!

Колбы полетели, одна за другой.

Щит поставить никто не успел, отбить колбы в сторону тоже не получилось, стекло разбилось, кислота выплеснулась...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.